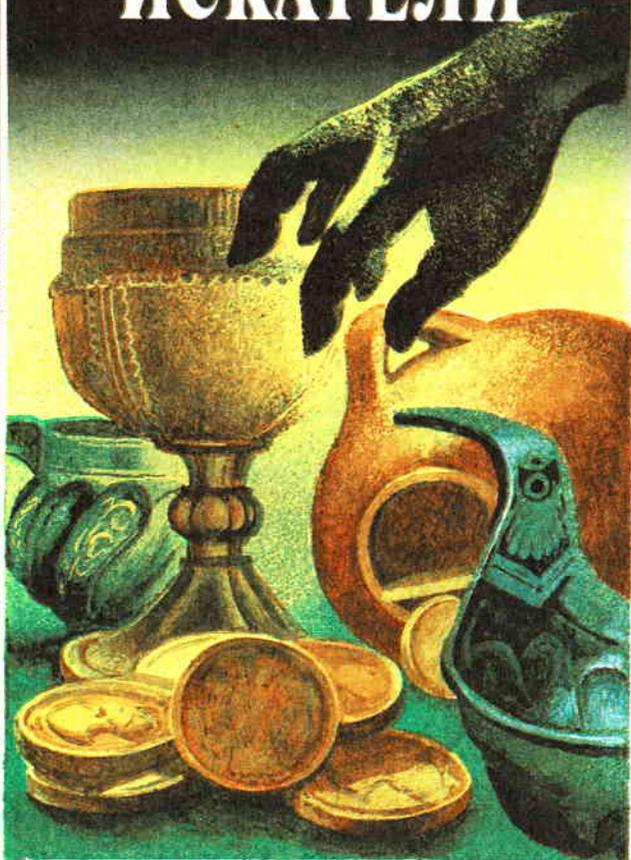

Владимир Цыбин

ЗАГОВОРЕННЫЕ
КЛАДЫ
И КЛАДО-
ИСКАТЕЛИ

«МИР ДОМУ ТВОЕМУ»

*Собрал и пересказал
Владимир Цыбин*

**ЗАГОВОРЕННИКІЄ
КЛАДЫ
И КЛАДО
ИСКАТЕЛИ**

«МИР ДОМУ ТВОЕМУ»

МОСКВА 1994

Художник *Леонид Безрученков*

Ц93 **Заговоренные клады и кладоискатели. Предания старины и новины / Собрал и пересказал В. Д. Цыбин; художник Л. Е. Безрученков. — Москва: Книжное издательство "Мир дому твоему", 1994. — 80 с., ил.**

ББК84Р7-4

ISBN 5—87553—005—7

© «Мир дому твоему», 1994 г.
© В. Д. Цыбин, сбор и пересказ, 1994 г.
© Л. Е. Безрученков, оформление, 1994 г.

От редактора

Пожалуй, на всей земле нет такого человека, который в какой-то период своей жизни не мечтал бы найти клад.

Под словом «клад» люди понимают прежде всего серебряные или золотые монеты, предметы или разную утварь из этих металлов, реже — драгоценные камни. И, случается, находят. То в горшках, то в бочонках, то в хорошо упакованных водонепроницаемых свертках в огородах, при разрушении старых домов, рытье траншей, котлованов, или целые захоронения при раскопках городищ или курганов. За ними — судьбы тех или иных людей, племен, народов, их история.

Мы не однажды об этом слышали или где-то читали.

О кладах и кладоискателях ходят разные слухи, предания, легенды. Особенно богата ими наша русская, славянская земля. В каждой местности есть свой миф о кладах, свое представление о них. Мы живем в мире мифологии с детства. Спроси любого — и любой может тебе на эту тему что-нибудь рассказать, вспомнить какой-нибудь эпизод из чьей-либо практики. Но все это будут отдельные случаи, жизненные отрывки, фрагменты, почти никак не связанные между собой.

Некоторые литераторы прошлого века (например, Н. Аристов, Д. Садовников, С. Максимов и другие), бывало, писали о кладах, но ныне их не издают, о них ныне редко кто знает. Литературы на эту тему сейчас вообще не сыскать, хотя это интереснейшая частица духовного богатства нашего народа.

И этот пробел восполняет книга, которую вы держите в руках.

Наш современник, широко известный русский поэт Владимир Цыбин около сорока лет (еще со своей ранней юности, со студенчества) занимается фольклористикой, в том числе и о кладах. Он по крупицам собрал уникальнейший материал, систематизировал и колоритным, сочным, неподражаемым языком изложил его на страницах

своей рукописи, которую мы выпустили отдельной книгой. Тут и история, и предания, и сказочность, и фантазия, и магия, а если глянуть намного глубже — сама поэзия о кладах и кладоискателях.

Мне, как редактору, работалось с ней с превеликим удовольствием. Рад подчеркнуть, что такого издания еще не было ни в нашей стране, ни за рубежом.

Этой книге нет аналогов.

Владимир Чубатый

С древнеязыческих времен славяне верили в клады, верили, что подчинены эти клады черным магическим силам, что внутри этих кладов обитают души тех, кто их прятал, что золото может превращаться в человека ли, в зверя, вернее, принимать облик их; и сам этот клад опасен и может умыкнуть человеческую душу. Адское золото — черное и выплавлено из заблудших душ.

Сокровища свои древние славяне поручали опеке особого духа — змея Горыныча. Эти клады лежали в горах, в пещерах, и сам змей-охранитель получил свое отчество Горыныч от слова «горы», то есть от духа горы.

В старой былине о Добрыне Никитиче сказывается:

А всех перебил, пополам перервал,
Нашел в пещерах белокаменных,
У лютого змея Горынычища,
Нашел он много золота-серебра...

Этот Горынычища похищал и людей. Так, у Добрыни он похитил любимую тетушку, так что он — и страж сокровищ и одновременно разбойник.

После принятия Русью Крещения вера в клады не исчезла, теперь вместо мифического змея охранителем кладов становится нечистая сила: бесы, подбесы, дух колдунов и разная нечисть. И сам клад из золота и серебра, из сокровища превращается в нечто колдовское. Вот отчего места, где спрятаны клады, считаются проклятыми. Проклятые еще и потому, что эти места являются для бесов как бы дверями в наш мир.

Бесы манят и соблазняют доверчивых и жадных до денег людей своей доступностью и дармовщиной, мол, нашел, отыскал и живи «кум королю и сват министру».

В «Сказании о Борисе и Глебе» о кладах и таких людях говорится:

«Аще бо или серебро, или золото скорено будет под землю, то мнози видят огонь горящ на том месте, то и тоже диаволу показушу сребролюбивых ради».

Так что это богатство от нечистого, и приобрести его можно, согласно христианскому представлению, только отдав свою душу на закание. Однако история о кладах знает немало примеров, когда сребролюбивые заклинатели кладов пытались обойти или обхитрить дьявола — главного стража кладов.

Н. Аристов — один из лучших знатоков кладов в прошлом веке — писал о том, как дьявол старается через богатство сделать человека несчастным. «Мало этого, — пишет Аристов, — он смущает жадных, пользуясь их доверием к кладам, и приносит много неприятностей

людям. Так, чтобы насолить благочестивому Авраамиию Ростовскому, бес преобразился в воина и пошел к в. кн. Владимирскому, наговорив ему, будто Авраамий «налезе в земли сосуд медян, в нем же множество сосудов золотых и поясов золотых, и чепем не мощно цены уставити», будто на это сокровище, достойное княжеского господства, Авраамий и монастырь создал. Князь поверил бесовской выдумке, послал воина в Ростов, схватили подвижника, привели к князю; но у него оказалась одна власяница».

Таких рассказов немало сохранили древние документы. Так, в Печерском Патерике рассказывается, как великий князь Мстислав, тоже по чертовскому наущению, схватил двух иноков, якобы нашедших богатый клад в пещере и перепрятавших его, пока не объявилась неправда этого сыска.

Эти прискорбные факты говорят о том, что вера в спрятанные клады в древние времена была распространена повсеместно и даже среди князей.

И это не удивительно: славянские просторные, равнинные в основном земли — добыча степных хищников. Чтобы выжить, нужно было превращать свое нажитое имущество в клады и хоронить в земле и пещерах, а для оберега поручать их духам-охранителям, а позже — бесовской нечисти.

Уже в VI веке Маврикий свидетельствует об обычае славян: «Они скрывают необходимые вещи под землей, не имея ничего лишнего наружи, и живут, как разбойники».

Это одно из первых указаний о тесной связи кладовства с разбоем. В те времена почти вся славянская земля была порубежьем, на котором сосредоточивались люди всякие, бродячие, разбойники, что и заставило говорить Гельмольда в XII веке о поморских славянах, что они имеют обыкновение хоронить все драгоценное в земле, в кладах. И еще замечает, что нигде так много не говорили о зарытых кладах и тайниках, как в этих землях, что зарывали они не только сокровища, но и хлеб (совсем как в годы продрозверстки. — В. Ц.). Понятно, что немало хозяев этих сокровищ погибало при постоянных набегах и нашествиях степных орд или уводилось в полон. Нужно учесть и постоянные внутренние усобицы, малочисленность лесных дворов, разбой «отпускаемых в казаки» дружин (уже в XII веке!).

Славяне крепко вкапывались в землю вместе со своими кладами, оставленными на «черный день», на пору раздора, разора, грабежа или недорода. Это и выработывало к тому же и характер человека — терпеливого и молчаливого: громкий на речь легко проговаривается.

«Кто молчит — того Бог хранит», «Клад немой — не быть с сумой», — верно сказано народом. И еще: «Золото землю крепит, а что ржаво — то свое отлежало».

В основном у обыкновенных государств лежат границы в одну или две стороны (у Греции и Рима — только север, и то гористый). У русских же — на все четыре стороны, к тому же не прикрытых горами. Борьба со степью (печенеги, татары и др.) с юга и востока, с финскими племенами (с севера и востока), с немецкими и мажарскими (запад),

безусловно, давала не только разорение, но и добычу, которую сохранить можно было, только укрыв в земле. И свое наработанное — тоже.

Славянские земли, и более всего Русь, — земля многочисленных кладов, которые, как правило, состояли из золотых монет и украшений: золото в земле только матерееет.

«Каждый теоретически может сделать вывод, что кладов, зарытых в древнее время, должно быть громадное количество. Действительно, несмотря на всю случайность находок, кладов разрыто до настоящей поры очень мало и преимущественно с древними монетами и вещами, спрятанными по крайней мере до XV в.», — замечает тот же Н. Аристов.

Но обилие кладов дают и последующие века, особенно годы «смуты» XVII века, наполеоновское нашествие, годы октябрьской смуты вплоть до смуты наших дней. Многочисленный «подпольный капитал» вплоть до недавнего времени предпочитал переводить деньги в золото и драгоценности и зарывать в землю, прятать в потаенные места. Отсидев в тюрьме сроки, подпольные миллионеры питались и питаются от этих кладов. В местных газетах и доньше пишут о находках уже современных кладов (в Сызрани, Калуге и других местах).

Н. Аристов, на мой взгляд, неверно связывает предания о кладах в курганах с татарским нашествием. Это было гораздо ранее (скифские курганы или предание о кладе Игоря, которое приводится далее).

Но одно несомненно, что татарские клады повсеместно — курганные. И в течение многих веков привлекали к себе кладоискателей. Можно сказать, что история кладов в известном смысле — история России. Курганы — это вещественные даты событий.

Вообще после каждого нашествия на русскую землю оставались многочисленные всяческие клады «урочные» и «неурочные».

От шведов — клады в реках и озерах.

После Наполеона — клады из русского награбленного добра вдоль всей Смоленской дороги и далее.

Остались клады и после Второй Отечественной войны почти в каждом городе и селе, оказавшихся под немцами.

«Со времен первых печенежских и половецких набегов вплоть до татарских погромов... русские люди неумоимо придумывали всевозможные меры самозащиты личной и охраны имущественной», — пишет С. Максимов и приводит предание о «Кладах смутного времени», о «панах».

«Выбрали себе паны притон в одном месте и стали из него наезжать и грабить всего чаще по праздникам, когда народ расходится по церквям и на базары. Заберут паны что получше, а деревню зажгут. Этим они вывели народ из всякого терпения. И вот согласились против них три волости и окружили притон так, что разбойникам некуда было деться. Стали они награбленное добро зарывать в землю в большой кадке. И неспроста, а с приговором, чтобы то добро никому не досталось. Атаман ударился о землю, сделался черным вороном и улетел. Товарищей же его всех захватили и «покоренили»...» (Приподнимали дерево и закладывали под него человека — казнь для разбойников.)

Самый дорогой и самый труднодоступный клад, по народным поверьям, — золотой. Золото в кладах утяжеляется, набирает вес из осадков от адского огня. Всего тяжелее слитки такие, ибо в них заточена грешная погибельная душа хозяина клада. Там она старится в веках, хотя отошедшие в вечность души человеческие не стареют.

Золото на этот свет выходит огненным петухом с червонным гребнем. А если клад перемешан с серебром, то сам петух — белый, а гребень и голова красные. И свеча на голове тоже красная и зажжена жгучим, потусветным адским огнем. Если ударить не наотмашь — свеча погаснет, сам петух «утухнет» в никуда, истаёт в воздухе.

Только золотой клад, по некоторым поверьям, охраняется духом хозяина, чаще всего ссохшимся до желтизны старичком. Этот старичок иногда появляется людям с золотой тросточкой, борода у него, по обыновению, — красная, и старичок этот настоятельно просит отрезать ее серпом или ножом. А кто при этом не перекрестится, старичок сильно сердается и плюется. Там, где он плюнет — находят золотой песок.

Иногда такой старичок или петух наводят людей на золотое место, но уже по какому-то таинственному расположению к кладоискателю.

Если вспомнить все кладовые заветы в точности, душа хозяина освобождается из тяжести клада и уходит на суд Божий.

Золото клада любит лежать в земле, потому что оно терпеливо. Не зря кто-то в древности сказал, что вечность можно отлить из золота. В расплавленном золоте кипят уродцы — души самых великих грешников-скопидомов. Вот почему души иных, заточенные в золото, не любят покидать его, а стараются остаться в металле, чтобы уцелеть. Вспомним — золотые маски на мумиях египетских фараонов: душа как бы законсервирована в золоте, там она не истощится, а сохранится для воскресения в вечной своей целокупности.

Охраняются золотые клады трехруками стражами, в каждой руке — по сабле. И сидит этот страж на зачумленном трупе, который положен на бочку с золотом. Кому из кладоходцев отсекает голову — та душа мгновенно превращается в нового стража.

История кладов, начиная с XVI-XVII веков, постепенно переходит в предания, в которых кладовство переходит в колдовство, а сами клады приобретают причудливые, магические, весьма разнообразные формы.

КЛАДЫ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО И ДАРИЯ, ЗАВЕЩАННЫЕ РУССКОМУ ЦАРЮ

Эта любопытная история приключилась в 1703 году в России, где еще верили во всякие причуды.

26 июня сего года в Киев приехал житель города Караваншибеша Михайло Попов-Волшанин с двумя сыновьями Иваном и Моисеем, венгр или «венгрин», как он себя выдавал. Конечно же, судя по фами-

лии, из российских подданных и, может быть, серб, а не как он себя выдавал, конечно, авантюрист.

В расспросе он указал, что едет в Москву для нужных дел, тайным обычаем, а для каких, того сказать ему невозможно, а скажет о том в Москве.

В Москве же в расспросе в посольском приказе объявил, что он из Седмиградской земли, родился в городе Караваншибеше, которым ныне турки владеют, и объявил, что пришел на Москву для того же дела, что и шесть лет назад, что никому того дела не велено объявлять, кроме великого государя Петра Алексеевича. Шесть лет назад он и был отпущен по указу Петра Алексеевича с Москвы к гетману, и велено было это дело досмотреть (значит, поверили, выжили!). Гетман послал для досмотру клада двух своих людей, но они оказались вздорными людьми, передрались, и поэтому «то дело в то время и совершения своего не восприяло». А Михайло Волшанин вернулся в дом свой в Деву, по-прежнему промышляя по прежнему делу: чтобы отыскать тот клад, он ископал в той горе «по откровению Божью, — как пишет в своем донесении к великому государю из Киева генерал-майор Андрей Гулиц (1703 г.), — камень белой, в полторы сажени длиною, а шириною — сажень с пять, и на той лещади вырезаны слова, и тех слов никто не мог прочесть, кроме одного старца сербянина, сыскал он знакомца, и он прочел и сказал: что слова те суть эллинским языком писаны и тот старец, прочитав, списав их те речи все, что на камне написаны, сказал, что при сем камне в сей горе лежат сокровища Александра-царя и Дария, и тот камень он, Михаил, разбил, а подпись, списав, отдал тому чернецу».

Далее из слов кладоискателя следует, что был арестован седмиградским генералом графом Работиным, отослан в Вену и подвергнут пыткам и что он ничего не сказал им, хотя «мучили разными муками и забивали за ногти железные гвозди». Однако цесарь австрийский послал своих людей — немцев и венгерцев искать клад, и они были на той горе, то только они пришли на то место, поднялся такой ветер, что разнес и их самих, и лошадей их неведомо куда. А сам Михайло в то время ушел из-под караула, взял с собой обоих своих сыновей и через мултянскую (молдавскую) землю ушел в Москву, так как дом его в Деве разграбили и разорили люди цесаря.

Почему же именно в Москву?

Оказывается, явился во сне Михайле Попову ангел и объявил, что «клад, кроме нынешнего московского великого государя, никому не дает, и чтоб он, великий государь, изволил послать свой государев указ к мултянскому нынешнему господарю... и для подлинного изверения с Москвы (послал людей. — В. Ц.) двух или трех и тот клад обрести и вынять и для подлинного уверения привез он с собою двух сынов своих». То есть в качестве заложников, пока будут искать клад. А его, Михайло Попова, надо отпустить, чтобы найти того старца, который с покровенной доски клада списал надпись.

И еще: будто бы тот старец обещал ему с клятвою «с списком той подписи быть к Москве в посольском приказе, и тогда всякое дело явно будет». Старец этот — сербской земли, города Полянки, имя ему

Иоаким, собирает милостыню и хочет в том городе вновь построить монастырь.

Этот сербянин подал к тому допросу подлинное письмо, где все объяснял по тому кладу.

В этом письме он писал, что родился он в турецком городе Караваншибеше, где «есть место гора высокая, соделанная царями Дарием и Трояном, в которой выкладена храмина камением, в подобие палат, на венгерской стороне, близ турецкия и мултянския земель, расстояние от Девы города три мили турецкия, а от Караваншибеша 5 миль: около той горы есть деревня... и деревня есть венгерская разстоянием от горы 1 миля, дворов будет с пять; близ той горы две речки малыя, бродом будет человеку по колено, текут по камню и шум той воды издалека слышится, та гора между двумя речками стоит; по правую сторону течет речка Понорич, которая течет сквозь ту гору своим прохождением; другая речка называется от красна камени, на ней же был городок Дария царя, а можно стоячи человеку на той горе и человеку будучи, где был городок, говорити и речь разумети, таково есть не далеко: ныне то место пусто и поросло лесом дубовыми деревьями: от той же горы к турецкой земле был городок великий Трояна царя, называемый Гредище, разстоянием три мили, ныне разорено и токмо пашенная земля и пастбище, а прежде того, около той горы были малые и средние городки жидовские, числом с 40, и те городки разорены изволением Божиим, и те места владение венгерское и до ныне владеют венгры, жители Инидора, разстояние от горы пол-четверти мили, и в древнее время, егда брашеся Александр царь Македонский с цари Дарием и Трояном, и они, цари, положиша в ту горы сокровище свое, бочки золотых червонных и слитки золотые и оружия и конские наряды безчисленное множество и свои царские короны и камения драгого и колесницу свою оставиша и змия великоделанного золотого, хоботом сияющагося, и во успех его учинен диаманд, от которого свет великий бывает, яки от огня, и болвана бога жидовска от злата соделанного, и очи ему вставлены от камени диамандия, со многими приносящими ему дары златых, а где колесница поставлена, стоит воин злат и держит на золотой цепи льва золотого пса ловчияго, и жидовский бог сидит за трапезою перед ним и поставлены рабы златые и егда Александр царь воинство царя Дария и Трояна победы, тогда взя дочь Дария царя в жену себе и потом поведи ему Дарий и писание даде ему о положенном их сокровище».

Как видим, этот сербянин подробно рассказывает о месторасположении этого клада, все высчитано — и мили, и план, и даже исторические обоснования. Первый раз, как узнаем из дополнения генерал-майора, ему удалось убедить легковерных людей; второй же раз, конечно же, нет.

«Мне же явился ангел Божий во сне и вода мя, показуя мне место и положенное сокровище, и повеле мне известити, где есть православная христианская вера, тоя благочестивыя державы царя, и после того видения ходил я и место нашел, и где ходят в гору у врат камень поставил плоский, в вышину 5 аршин, поперек — три, на нем же написано эллино-греческим языком, что сие сокровище положено

Александра царя, который всю вселенную пройде и многия государства покорилися ему, и то письмо стесал, чтоб никто не прочел и с тем иеромонахом у нас великая клятва, отнюдь бы не сказати никому и потому, что хаживал я часто к той горе, вменилося помыслити о мне венгерским людям, будто клад знаю и сказали про меня цесарскому генералу и велели меня мучити... — я же отнюдь не сказал ему, памятуя явление святого ангела и повеленное им объявити вашему величеству».

Грамоту Михаил Волшанин не знал и к тому письму руки не приложил.

Чем эта авантюрная история, потребовавшая столько стиливых ухищрений и фантазии от Волшанина, кончилась — неизвестно. Скорее всего вымогатель не сумел убедить посуровевшие петровские власти в наличии сего клада еще от времен Трояновых.

КЛАД ПРИАМА

По свидетельству Клавдия Элиака, автора «Пестрых рассказов», в священных Дельфах (Пифоне) стали широко известными стихи Гомера:

Или сокровища все, что за каменным скрыты порогом
В доме далеко разящего Феба в Пифоне скалистом.

«О том, что святилище Аполлона издревле хранит большие богатства... местные жители рассказывают, принялись перекапывать землю вокруг жертвенника и треножника, но, испуганные страшным землетрясением, одумались и побросали лопаты».

Это они, очевидно, искали знаменитый клад Приама, тот самый, от которого пупсики от культуры пытаются (не без корысти) избавиться сейчас.

Это тот самый клад, который попал к нам после войны из Германии и бесцестно возвращается назад по воле безродных властей.

КЛАД НЕРОНА

Легковерного Нерона невольно или по умыслу обманул некий Цезеллий Басс — человек суетный и суеверный, родом пуниец. Как-то ему приснилось, будто он обнаружил на своем поле «пещеру безмерной глубины, таящую великое множество золота не в виде денег, а в грубых старинных слитках, — как рассказывает об этом Тацит. — Там лежат огромной тяжести золотые кирпичи, а с другой стороны поднимаются золотые колонны! Все это было сокрыто на протяжении стольких веков, чтобы обогатить их поколение».

Решив, что этот вещий сон послали ему боги, Басс поспешил в Рим и подкупом добился, чтобы его допустили к Нерону, которому и пересказал свой сон как действительность, присвокупив, что этот клад, конечно же, финикийки Дидоны, когда-то бежавшей из Тира и основавшей Карфаген, «дабы ее новый народ, располагая несметным богатством, не развратился и не погряз в лени и чтобы царей нумидийцев, и без того враждебных, не разжигала к войне жажда золота».

Эти подробности, а в подробностях есть своя магия, почему-то убедили Нерона, что сокровища эти, конечно же, находятся в указанном месте, где и видел их пуниец. А сон — лишь хороший указатель.

КЛАДЫ ЛУКОМОРЬЯ

Лукоморье — не сказочная, вымышленная страна, и была она расположена не где-то за тридевять земель по наслуху сказок, а там, где луга морские, в луке Днепра и Поморья, где потом была Запорожская Сечь. Еще в XIII веке тамошние места, граничащие с броднинами, назывались лукоморьем (славян, торков, половцев).

До сих пор сохранились в этих местах огромные курганы, «семьи» курганов: с кольцом рвов — скифские, обложенные камнями — половецкие, чашами — славянские.

Это — кладбище кладов по всколмьям, а то просто по высокому месту. Эти клады-кладбища рассыпаны по нынешней украинской земле, по земле гагаузов (кстати, не они ли потомки якобы бесследно исчезнувших торков, которые называли себя «гузи» — «гагаузы?»).

Еще в середине XIX века сохранились в здешних местах глухие преданья о древних кладах, которые «затворились сами в себе», «охраняются мертвыми на конях» и что следует отличать победные «запорожские курганы-шеломы от зачумленных» братских могил.

Запорожцы, которые были не очень охочи как рыцари до раскопок кладов, отличали эти курганы: те, на которые орлы и ястребы садятся, — могильники. А на которых ластятся травы и кустарники — эти по естеству природы. А что меж ними, кроме «насыпных», перед и после походов, — эти и есть кладези кладов.

Один из самых знаменитых — Чигринский курган, как говорили знатоки — заговоренный. Погребальный клад сохранился в нем, конечно же, потому, что был он «замаскирован под естественный курган над поймой реки Чингул».

Только летом 1981 года этот могильник, окруженный валом с тремя проходами и кольцевым рвом, был вскрыт, и обнаружены были вокруг останков средних лет мужчины дорогие ткани («лакомство» половцев), сундук, ножи, кольчуга, щит, позолоченный шлем. В правой руке — гривна как знак высокой власти, а возле головы справа, как у всех половецких жрецов, — ножи и курильница. И еще множество дорогих, уже истлевших одежд.

И ничего неизвестно о том, копали ли курганец бронзового века или нет. Ведь может статься, что в одной могиле — два захоронения, отделенные друг от друга тысячелетиями, в могиле половецкого лукоморья, славной земли Запорожской Сечи.

Клады раскрывают нам не только свои богатства и тайны, но и скрытые знаки истории.

КЛАДЫ, ЯВИВШИЕСЯ ВО СНЕ

Иные клады кладут под вещие сны. Кому он в сновиденье набредет, тому и покажется. Там, во сне, клад с душой спящего человека

и сталкивается. Душа во сне — освобожденная от прикрас жизни. Если грешная весьма, то — грешница; а если чистая, то блестит, как стеклышко. Но клад выбирает себе душу не всякую, а нужную, выбирает, конечно, по себе.

Являются клады и сами по себе через сон. Это те, которые так схоронены, так затерялись, что тысячу лет лежат в земле, в пещере или под водой, никем не востребованные. А умирать этому кладу, не явившись, не хочется: спрятанное сокровище как бы само по себе становится кладом, конечно же, со своей «кладовой душой», перенятой у мертвого хозяина.

Такие клады обыкновенно очень дорогие, в золотом, несказанном сиянии. Это сияние, по преданьям, и образует «душу» клада.

История знает немало примеров явлений таких кладов с самых древних времен. Свидетельств тому множество, на века запавших в память человечества, хотя есть и малоизвестные.

* * *

Американский журналист Гордон в прошлом веке напечатал чудную историю о сне французского короля: «Чувствуя сильную усталость, король уснул на траве, и ему приснилось, что он по железному мосту переходит через реку. Заметив на другой стороне моста, в середине скалы, пещеру, он вошел в нее, побуждаемый голосом, который кричал ему:

— Здесь скрыто сокровище.

В самом деле, походив четверть часа по этой пещере, он нашел сундук с золотом и кликнул своих людей, приказал, чтобы они вынесли его.

Проснувшись, король рассказал об этом сне своим офицерам, они показали ему род подземного хода на другой стороне ручья, протекавшего поблизости от них; проводили туда короля, и действительно, в глубине отверстия, прорубленного в скале и прикрытого глиною, нашли значительное сокровище».

БЕЗЫМЯННЫЕ КЛАДЫ КУДЕЯРА

Предания мало и глухо говорят о Кудеяровых кладах, вернее, о местах, где они спрятаны: то ли за давностью лет, то ли оттого, что многие из них как бы «переписались» на Стеньку Разина. Молва твердо обозначает одно — Кудеяр свои клады прятал с такой тайной, не оставляя записей о них, что редко кто и редко где знали об этом.

К тому же разбойничал он и в Калуге, и в Туле, и в Рязани, и в Ельце, и в Воронеже, и в Смоленске — везде побывал, везде свои станы расставлял и много кладов позарыл в землю (все с проклятиями) — страшный колдун был.

Был у него волшебный полшубок, кинет в реку полшубок — становится лодкой. Переплывет он от погоны на другой берег, накренил лодку — в руках полшубок, встряхнет его — и поминай как звали.

* * *

Один Кудеяр клад, как сказано в одном старинном предании, спрятан где-то на Оке, под высоким берегом.

Увидели как-то сторожевые на раннем утреннике: плывет по реке лодка — внутри все блестит золотом и серебром, стоит в лодке черный человек, вроде бы чернец. И смотрит куда-то вперед. Сторожа затаились, а лодка плывет сама против течения в верхи устья. Да так гладко и тихо, что слышно, как скрипит от невидимых уключин.

Тут сторожа неосторожно пошевелились — лодка сразу же заплывала под берег. Подошли к тому месту, а место гладко и ровно — ни одной трещинки. Вдохнули сторожа, отошли, а места особо и не приметили. Так и не нашли потом его.

Что это было? Не знают ни сторожа те, никто иной. Давние люди об этом сказали:

— Это Кудеяр свои клады перепрятывал. Раз в сто лет является он на этот свет по зароку чернецом, чтобы вспомнить, кем был на этой земле и за что душу свою сгубил.

* * *

Как-то в Сибири перед той первой германской войной сидел старый казак ночью у костра, а на огне уха дозревала.

Подошел к нему чернец.

— Здорово, рыбак, угости ухой.

— Садись ешь, если рот свеж, а рот увянет — и нам достанет.

— Хорошо говоришь, добрый человек.

Сел чернец, вынул из-за голенища ложку, похлебал.

— Хороша еще ушица на Руси. Какую плату тебе? Кладом или остерегом?

— А что мне нужней? — ответил рыбак, думая, что ночной гость шутит.

— Так вот, пойдешь скоро на войну, и ранят тебя в Галиции, есть такая земля, ты ползи к реке, не оставайся на месте.

И действительно, через три года ранило казака, и тут он вспомнил остерег и пополз, а хотел остаться на месте. Ползет, а перед ним чернец идет и дорогу показывает. Так и дополз к своим.

А чернец отошел в сторону и говорит:

— Молодец, что тогда на мой клад не позарился. Быть бы тебе сейчас мертву.

— Как зовут тебя, о ком молиться и Бога благодарить за спасение?

— Кудеяр. Помолись Богу обо мне грешном, казак.

И исчез вовсе.

* * *

А вот другая запись: «Около Хрениковой мельницы, по Ксизовской дороге, зарыто сорок бочек золота под плошавом корнем, в дурном верху Кудеяр тогда давным-давно, при царе Иване Грозном, почту ограбил да и спрятал туда.

То же и на Лысой горе, Ендовиной называется, в Кузьмином лесу три кадки золота...» Тут жили силачи-богатыри. У них была застава, городище.

Это от этих богатырей повелось на Руси курганные клады, раскиданные по всему старому русскому порубежью.

Клады Кудеяра — безмянные, скорее всего не клады, а кладцы. Они редко оживают и редко дают знать о себе. Может быть, по древности лет, а может, по неизвестному загаду самого Кудеяра, по его воле...

УТОПЛЕННЫЙ КЛАД МАМАЯ

На каспийских берегах и доньне сохранилось предание, как разбило русское войско Мамай. Прибежал он со всполошенным сердцем в свою столицу Сарай, оставив в своем шатре походную казну: «А что, если урусы и сюда придут, кто я буду без казны, голым солончаком?»

Был он жаден до золота, памятуя, что золото и железо переедает, и велел немедленно собрать всю свою казну, все мешки с данью, поклонные подарки золотом и серебром, погрузил в кибитки и повез через степь на солончак к озеру, чтобы найти там надежное укрытие. Навьючили на верблюдов мешки с золотом захоронильщики и тронулись в путь. Долго искали, где укрыть клад, наконец нашли большое соленое озеро. И Мамай велел в нем, на самом дне, на самом глубоком месте ухоронить до счастливых времен свое богатство, сделав для памяти тайные заметы.

Скоре он погиб — клад и остался утопленным в озере бездвижно на дне.

Только в летнюю пору, на самом закате солнца и доньне «случается так, по народному преданию, — вся вода в Эльтоне как бы загорается золотом, но это не вода горит, а блестит золото». Озеро по этому кладу прозвано Золотым — Алтын-нор, а по-русски произносится Эльтон.

Утопленное золото — пожива царя водяного. А в кладе — душа Мамай плачет, оттого золото еще больше блестит...

ЗАВЕТНЫЙ КЛАД БУЛАВИНА

На Хопре в Пристанском городе Кондратий Булавин запечатал в землю сокровища. Городок этот вскоре был дотла сожжен войском царя. Все очевидцы захоронения клада погибли.

Прошло много лет, и на этом месте помещик Родионов посадил сад возле своей усадьбы. Родионовы были слышаны о булавинском кладе. И вот один из них, из правнуков, нанял дальних, рязанских мужиков, чтобы вырыли они ему в саду пруд. Пруд, конечно, — для отвода глаз. А как мужики под неусыпным присмотром самого хозяина наткнулись на клад, он тут же их и рассчитывает.

Вот роют они землю, а земля черная от золы, тяжелая, а с балкона за ними ведет наблюдение сам Родионов, трубкой пыхтит, через губу крихтит, сидит ворона, а глаза — соловьи, как вцепились в мужиков, так и не отцепятся ни на секунду. Целый месяц так было.

Как-то вечером уже, при сумерках все землекопы ушли, кончив работу, покинул свой пост и Родионов, лишь один мужичонка припозднился, канавку лопатой знай себе обкидывает. Только поднял он голову — а над ним у края канавы стоит какой-то казак в буйно-красном чекмене, в черной папахе, сломленной на затылок, и глаза перемигиваются друг с другом.

— Здесь, мужичок, копни! — показывает ему рукой на горбушок земли.

Ну, мужичишка и копнул — лопата аж затряслась у него в руках — это он наткнулся на клад.

А казак стоит и смеется.

— Запомни это место, а завтра ночью приходи со своей артелью, клад разделите по моему зарок справедливо да без греха, да чтоб работа была не в запых и жизнь правильной. Скажи, что свой клад открыл вам Кондратий Булавин — воитель за простых людей. Да не забудьте помолиться за меня. А помещику чтоб — шиш от семи грыв.

Сказал и в землю ушел безвидно. А мужик-то гол, да в руках его кол; есть надежда, что будет одежда.

Все сделали мужики по-булавинскому, по его завету: выкопали клад, разделили поровну, помолились за его душу и ушли всяк на свою сторону.

Помещик догадался, что нашли мужики клад, долго разыскивал их, да не нашел: пути их все затмило забвеньем — клад-то был заповедан не на таких, как Родионов.

Видно, и Булавин успокоился. Пришел его срок, и земля приняла его тело, укрытое в кладе, а в нем и его грешная душа.

КЛАДЫ КНЯЗЯ ИГОРЯ

В Полесье на Воляни, да и по всей Украине бытуют и доньне преданья и легенды об Игоревых сокровищах, зарытых в курганах.

Одну из них в записи И. Абрамова (1906 г.) хочу привести:

— Я минул села Немировку и Вороново и набрел на огромный курган, разрытый, окопанный валом, который имел форму четырехугольника длиной около 60 шагов. Присел отдохнуть на могиле.

Ко мне подошел старик пастух...

— Не знаете, что это за могила? — спросил я у него.

— Это Ригорева могила, хлопче, богатыря Ригора.

Пастух полагал, что передо мной знаменитая Игорева могила, где, по преданию, был погребен сын Рюрика, убитый древлянами во время сбора дани в 945 г...

— Кто же ее разорил?

Пастух ответил, что паны, что могила раньше была огромной и он в детстве любил лазить на нее, «как глянешь оттуда с верхушки, так аж страшно тебе делается... Но наезжали паны. Нагнали народушка Божьего — сила! Отовсюду сгоняли народ... Ну хорошо. И приказали паны народу Ригорову могилу заступами копать, а землю, стало быть, кругом валом ссыпать. Стали заступами землю копать, стали землю в

корзинах таскать да на тачках вывозить... Вот и работал народушка, долго работал, доколе, как кроты, всю могилу, как есть, развернули. Так вот с тех пор не стало у нас той дивовижи.

— Что же нашли в могиле?

— Да ничего путного, хлопче. Кости нашли, череп... Кой-какое железячке ржавое... А впрочем, поговаривают, денег тоже нашли великую силу, забрастали паны скарб огромнейший...

Предание о том, что в могиле Игоря схоронены огромнейшие сокровища (скарб), заставляет крестьян рыться в этом месте и по настоящее время».

Могилу Игоря раскапывали кладоискатели в течение тысячи лет. По одному старинному преданию, «Ригоров клад» — невидимый. Клад очень редкий, его охраняют языческие духи, которые вместе с Перуном ушли под землю. И хотя в таких могилах и находят золото, но это только «скарб», а самое заповедное, может быть, схоронено на тысячи лет.

«И не является этот клад людям, — говорит предание, — на крепких горах, на мертвом прахе он запечатан. Могильный это клад, святой, и к нему не надобно б притрагиваться, да люди жадны, известно — жадное брюхо ест по уху».

КЛАДЫ ОТ ШВЕДОВ И КАРЛА XII

Многочисленны предания о кладах, зарытых шведами по Новгородчине и Белоруссии. Особенно при бегстве остатков войска Карла XII шведы старались впопыхах захоронить эти клады где ни попадя. А иные так и умирали, привязав золото к животу и груди, и тоже впопыхах их хоронили.

П. В. Шейн, известный этнограф, записал на Гродненщине в прошлом веке, что в полуверсте от деревни Торокани Кобринского уезда находится старое кладбище, на котором в Великую субботу ежегодно появляются огненные язычки, от сумерек до полночи. Эти язычки непрестанно меняются в цвете и бывают то белыми, то красными, то синими. Это есть не что иное, как зарытые здесь шведами деньги, которые пересушиваются по заклианию в Великую субботу. Воспользоваться деньгами нетрудно: стоит только, не щадя памяти погребенных здесь, взрыть все кладбище и разметать кости...

Конечно, никто за несколько прошедших столетий не решился на такое мерзкое дело. А в наше время, слава Богу, хищники невежественны, мест и заклятий не знают...

Сохранилось еще одно историческое предание, будто Карл XII, убегая к туркам, добежал до Днепра. И, чтоб его казна не досталась ни русским, ни туркам, тайно положил ее в мертвую лошадь, которую вместе с другими павшими лошадьми велел закопать в кургане (место умышленно не указываю, чтоб не искушать новых кладоискателей).

МАРИНКИН КЛАД

В местах, где проходила знаменитая отрепьевская смута, бытуют предания о кладах Отрепьева и его жены Марины Мнишек. Я уже

говорил, что, где была смута и разбой, там осталось много легенд и преданий о несметных несправедно нажитых сокровищах.

Одно из самых интересных преданий о кладе «беглой царицы» записал в 1860 году замечательный писатель и этнограф уральского казачества Иосаф Игнатьевич Железнов. Предание это он записал со слов казака Ивана Чакрыгина.

— Долго слонялась, — по словам И. Железнова, — после разгрома смуты Марина — беглая царица — по России, подыскала себе согласников, да оказалось их всего человек двести, делать нечего, Москвы с ними не завоюешь, и подалась она с ними на Яик, выстроила город близ Кулагинской крепости и там засела. Далее привожу слова самого Ивана Чакрыгина: «Напоследок, сказывают, пришли из Расае царския войска и подступили под ее городок, чтобы пошабашить колбродицу... Взяли ее в полон, засадили в колодку и увезли, голу-бушку, в Москву. Там, значит, и жизнь свою скончала...

У нее, изволишь ли знать, было многое-множество воза, сударь мой, казны золотой и серебряной, что в каменной Москве награбила... Разделила она, братец мой, казну свою на две равные части и нагрузила целых две лодки».

Те, кто жила возле рек, топили клад в лодках обыкновенно под крутым берегом. Поэтому напрасно казаки багрили Яик. Захороненный посреди реки клад — обреченный. Беглая царица сначала оставила одну лодку при себе, надеясь откупиться, а вторую велела вверх по Яику захоронить.

«Верные ее согласнички, что на лодке уехали, видно, только на глаза у нея были верными, а за глазами себе на уме.

Отплыли они не очень далеко и утопили казну с лодкой под Красным (Дуванным) яром. С тех пор его переименовали в Маринкин яр, чтобы после достать и покорыствоваться».

«Сказывают, что лишь только они задумали это сделать, как Маринка, — знамо, посредством чернокнижья, — узнала их замыслы и самих их погубила: вместе с лодкой и сами они пошли по-топорному на дно; а были, говорят, первые пловцы и водолазы славные. Значит, супротив чернокнижья ничего не поделаешь».

Многие казаки «ластались около этой казны. Сам, грешный человек, сам, в былое время, зарился на эту казну, — сам, сударь мой, за компанию с другими, запускал багорчик в Яик!».

Клад этот был заклятый, замороченный на крови. И понятно, почему сокрушается бывалый казак, ученый грамоте и преданиям. Такое место как бы выпадает из пространства в провал, в никуда. Вот он и сетует, уже старик: «Многие из наших казаков пытались достичь лодку с казной: и неводами, и крыгами, и баграми пробовали, и водолазы по целым дням ныряли, но вовсе по-пустому: нет лодки, да и не поди. Словно и не было. А была, все толкуют, что была. Только, сударь мой, какия-то огромнеюция, должно быть, слоновыя, кости выплывали — вот и все. Значит, иль-бо землей завалило, — время-то много прошло, — иль-бо Маринка заколдовала... Значит, будет с нас и того, что в песне пропоем, да в побранке упомянем».

Побранки среди казаков очень распространены; особенно балуются этим мальчишки, желая своим обидчикам, «чтоб ты с Маринкиного яра свалился, чтоб волной захлебнулся и Маринкиной казной захлебнулся». Побранки нашей фольклористикой почти напрочь забыты. Но сейчас речь не об этом.

Что же произошло со второй казной во второй лодке? С ней случилась еще более странная история, странная и страшная.

Решила Марина проверить своих согласников и сказала им, мол, едет к царским воеводам просить замирения, а они пусть останутся казну беречь. Спросила, кто охотник стоять на часах до ее возвращения.

«Долго что-то охотника не выискивалось: все чего-то вдруг испугались. Напоследок вызвался один удалый молодец, что ни самый первый и любимый ея наперсник. Маринка посмотрела на него и вся затряслась: от злости, значит.

— Не думала, не чаяла, — говорит она ему, — что ты останешься здесь, я думала, ты со мной пойдешь. Знать, казна моя тебе дороже меня. Да ладно, ладно, — говорит она. — Хочешь караулить? — Еще раз спрашивает она его.

— Хочу! — говорит он, а сам побелел и трясется. Значит, почувствовало сердечко невзгоду.

— Ну, стой здесь! — сказала она и велела ему стать посередь лодки. Он нехотя, нехотя стал, а она как выхватит из зепи (из кармана) пистоль, да как бацнет в него — он и с копыт долой!

— Карауль же теперь! — сказала она убитому и велела засыпать землей и лодку с казной, и убитого своего наперсника.

Таким манером... и другая лодка с казной сгибла-пропала в мать-сырой земле».

И этот клад искали долгое время казаки и калмыки, охочие до кладов. «Изрыли, ископали земли довольно-таки, не оставили живого местечка около Маринкиного городка, а шиш взяли. Значит, Маринка заколдовала.

А лежит в той лодке в одной половине, что к корме, чистое золото, а в другой половине, что к носу, чистое серебро, а посередь лодки четыре ружья».

По другим преданиям, записанным уральской этнографической экспедицией, будто видели в ночь на Ивана Купалу уральские старожилы на Урал-реке лодку и в ней женщину, стоит она в лодке и смотрит в реку, чтобы увидеть свой затопленный клад, а за ней в другой лодке вповалку лежащие убитые ею люди плывут. Проплывут — и нету.

Убитые, по поверьям, превращаются в стражи кладов. Души стражей не на земле и не на том свете. Это обморочные души, заколдованные, потому что перед смертью покорыстились. Берегут они клад чуток, потому что если упустят, то души их сразу отлетят в ад. А так — служба, хоть и нудная, бессрочная, зато избавляет от забот и мучений.

Места, где зарыла Маринка польская клады — по всей средней Руси, народная молва зорко заметила: награблено было в смуту де-

мократичным царьком много и жадно. Да и шел он со своей Маринкой не столько на царство, сколько на наживу, и остались они в памяти народной колдунами, нечистью, и погибли они, как колдуны, навеки и в смерти прирученные к своимкладам...

НЕИСЧИСЛИМЫЕ РАЗИНСКИЕ КЛАДЫ

«Разинских кладов бесчисленное множество. По берегам Волги, где он некогда гулял со своей вольницей, некоторые холмы носят названия: Стол, Шапка, Бугры Стеньки Разина, а одно ушелье слывет его тюрьмой. В Разинских Буграх, по народному поверью, знаменитый разбойник спрятал свое богатство в глубоких погребах, за железными дверями, и теперь оно лежит там заклято. Сам Стенька Разин жив до сих пор, сидит где-то в горе, стережет свои поклажи...» — суммирует мифы окладах знаменитый русский этнограф и собиратель сказок А. Н. Афанасьев.

И хотя много этих разинских кладов, но каким-то образом ни один из них не найден, хотя известны и зарюки, на которые они положены, и точно указаны места их захоронения. А все потому, что, по народным легендам, Стенька Разин — колдун и чернокнижник. И Марина, главная его жена, тоже колдунья, чарами чаровала и имела свои клады — золото и серебро в бочках, которые и сам Стенька не мог отгадать, где они, и расчаровать их. Атаманша Марина, по нижегородским преданиям, обитала в «Орловом кусте», а в «Чукалах» жил Стенька Разин. Окружены эти места были в те времена дремучими непроходимыми лесами. Марина, чтобы позвать Разина к себе, бросала косарь, а он в ответ бросал топор, мол, иду. Лес гудел от корней до вершины, гнулся от гула, земля дрожала — это Разин шел к своей Марине. «Марина эта была у него первой наложницей, а прочих до 500, и триста жен, — так записал в прошлом веке эту легенду Ив. Мамакин. — Изловили Марину, изловили и его сотоварищей, почти за каждым из них числился клад». Но Разин «ушел и спрятался в берегу, между Окой и Волгой, и до сих пор там живет: весь оброс мохом, не знать ни губ, ни зуб». Не умирает же он оттого, что его мать-земля не принимает. И оставил этот разбойник клад, под корнями шести берез (шесть — магическое число. — В. Ц.) зарыл его». В легендах окладах это почти единственный случай, когда хозяин клада ушел в его сторожа и будет жив, пока жив клад, тем самым Стенька обрел свое разбойничье бессмертие.

Легенда далее повествует: «А узнали про это вот как: сидел один мужичок в остроге вместе с товарищем разбойника. Вот тот и говорит ему: «Послушай, брат, в каком месте лежит клад, мы зарыли его под корнями шести берез, рой его в такое-то время». Стало быть, уж он не чаял, что его выпустят на вольный свет, а может быть, раскаялся и дал зарок. Вышел этот мужик из острога, пошел на указанное место, а березы уже срубили и корней не знать; рассказал он про это всему селу: подделали щупы, однако клада не нашли, а клад-то, говорят, все золото да серебро, целые бочки».

По некоторым поверьям, просроченные клады антихрист отписывает себе, чтобы золотом и серебром откупиться на Страшном суде. Только это все напрасно. Страшный суд для всех равен и грозен и по делам.

* * *

На Волге долго среди казаков, бурлаков и другого люда бытовало поверье, будто по ночам Степан Разин объезжает все места, где положил свои клады по городищам и пещерам, по горам и курганам, а то и просто вдоль Волги. Видели его в заломленной папахе на белом бешеном коне, промчится — только его и видели. А то плывет в струге под белыми шелковыми парусами. Стоит на носу и смотрит в воду. Бурлаки сложили то ли песню, то ли присловье, а может, это стихи какого-нибудь грамотея (запись Юрлова):

Стенька Разин еретик,
Днем в могиле лежит,
Ночью телеса наводятся —
По свету ходит,
Поклажи свои сторожит,
Ходит в золотой одежде,
Имеет бравый вид.

Значит, он сам себя определил в стражи своих кладов. Или столько нагрешил, насвятотатствовал, что никак не может сойти с земли. Призаточил себя к кладам, как к мавзолею.

Н. Аристов по этому поводу приводит следующую версию: «Клад Стенька клады не с тем, чтобы взять обратно, а потому, что некому было передать на сбережение, или по желанию, чтобы сокровища его не достались всякому, особенно человеку недостойному.

Словно чуял Разин, что он великий грешник, не будет знать смерти на земле, что будут его мучить силы преисподнии неслыханной мукой, по некоторым преданиям, мучится он в Жигулевских горах; будто у него две бабьи груди и обе сосут змеи...»

* * *

В верстах трех от села Труслейки (особо богатом на исторические и прочие клады) возле одного родника, «как прописано в записке, которая хранится у некоторых грамотеев», Степан Разин захоронил богатый клад: мраморный сундук, доверху наполненный золотом. Это клад выкупной, он дается только тому, кто положит на место его две белых мужских головы. Воистину разбойничий выкуп.

Другие жители Труслейки утверждали, что Стенька положил свой клад вовсе не у родника — под порогом избушки на пчельнике и под икону Божией Матери (в народе помнилось, что не раз ходил Разин в молодости на богомолье в Соловки). Тому, кто найдет эту икону, тому тогда и клад откроется. Кто же станет рыть клад без этой иконы, то только достанет его — тут же навечно уснет. Это уже клад магический.

Интересно, что Разин — богоотступник, выдумавший языческие обряды, в том числе свадебный, все клады свои кладет «под икону».

С. В. Максимов в своей книге «Нечистая и неведомая сила» определяет природный и чародейный дар Стеньки Разина так: «Разину, например, этому поволжскому богатырю-чародею сам Илья Муромец годился только в есаулы. И неудивительно, конечно, что, обладая такой сверхъестественной силой, Разин обогащался и откупам с проходящих торговых судов, и даже царскою казною с разграбленного и сожженного им первого русского корабля «Орла». Неудивительно также, если тревожная жизнь среди поисков новой добычи и преследований со стороны правительственных властей вынуждала Сеньку зарывать в землю награбленные сокровища. По крайней мере, народ верит в это, и все длинное побережье, от Симбирска до Астрахани, все эти лесистые Жигулевские горы и песчаные голые бугры Стеньки Разина — в народном воображении до сих пор считаются местами, где зарыты бесчисленные клады: там лодка с серебром затерта илом в песках, здесь, в Жигулях, у Разина дула — сундук полон платя, а сверху, как жар горит, икона, и заклата та поклажа на 300 лет, там в полугоре, у спуска к Волге, зарыто 12 нош (ноша — мера того, сколько может унести на себе сильный бурлак) серебра в чугуне, покрытом железным листом, здесь, в Шиловской шишке (горе близ г. Сенгилея), подвал, а в нем на цепях четыре бочки золота, охраняемые большим медведем».

В сказаниях о кладах Степана Разина мы, в сущности, имеем дело слегадой, переросшей в миф, когда начинают действовать сверхъестественные силы, а сам герой мифа бессмертен на века. Не зря Степан Разин в одних сказаниях — глубокий старик или мучимый стервятниками скелет с плотью, а в иных даже — человек, человечича с женскими грудями. И не удивительно: Разин — разбойник, безбожник и колдун из нераскаившихся. Исторический Разин, несомненно, обладал чародейной силой: он без единого стопа выдержал все чудовищные пытки. Это поразило даже самых опытных палачей.

* * *

В Костромской области в 1922 году записано следующее страшное предание о разинском кладе.

Есть бумага такая — «плант-бумажка», и в ней будто записана воля Стеньки Разина.

« — Приезжал он с Лялиных гор, на Черемберчихе стояло большое черемисское село и церква была Успенская. И случилось в те поры Стеньке заболеть, на ногах открылись все раны давнишние. Надо Стеньке прямиком бы идти на Вятку-Оку, а тут Стенька без ног лежит. Шибко Стенька осерчал на свой недуг и просил попов с того села Успенского, что на Черемберчихе было, молить Бога о его здравии. Молят попы сутки трои подряд, недуг все более да более расходится, а Стенька все пуше да пуше серчает.

Пришел в те поры к Стеньке черемис это, а он, вишь, их-то, черемисов, отступниками звал. Держался-то, вишь, он старой ихней веры. Пришел, значит, к Стеньке и начал баить про все старое, да и говорит Стеньке: «Што эти бабенки (христианские попы то есть) вымолят, вот как если Стенька бы Керемети угодил, то Кереметь бы вылечила его,

Стеньку». И научил тот проклятуший черемис сжечь, уничтожить все село Успенское и колокол бросить в озеро-то Черемберчихское. Сделал то Степан Разин, изжег злодей село до щепочки и колокол бросил в то озеро. Полегчали ноги, ровно быть, у атамана, и ушел он кружить да гулять в Вятскую сторону... Гулял, не задумываясь, а поймали — так задумался: «Видно, — баает, — Бог наказал меня за послушество воли Керемети, за поругание храма села Успенского».

И наказал он своему дружке-товарищу и своему сынку любезному: «Бросьте, — баает, — вы в озеро Черемберчихское первым делом три бочки с серебром. Не воззвонит ли с той глубины озера колокол, бросайте, любезные мои, до звона хоть единого: не будет звона — так не будет Стенька прощен, а звон будет, так Стенька будет прощен. А не пропала казна чтобы великая, отдайте плант написать, все как есть приметины». И бросили разбойники казны до самого гула колокольного, а гул тот был в Успенъев день. И поняли разбойнички прощенье Стенькино...

А как поселились они при той местности, то и плант идет из рук в руки, а на планте написано, баают: «На восточной стороне есть камень велик, а на камне зарублен вроде бы как крест, а от того камня иди к берегу, и у берега будут уступчики, с последнего уступчика того можно достать клад, а последний уступок в воде на сажень. Кто клад достанет, так десятину себе, а девять десятин на дела Божьи, на построение храма Успенского». Хорошо бы все, да Кереметь сильна, не дает доставать казну на Божьи дела. А колокол, баают, гул издает, звенит каждый год в Успенъев день...»

Разинскими кладами буквально наводнено все Поволжье, особенно районы Жигулевских гор. Это не «ходячие», как правило, клады, а недвижимые, положенные не на счастливых, а на откуп атамановой души.

Так, в четырех верстах от села Труслейки, сказывают, положил, как уже говорилось здесь, клад под икону Божией Матери.

Отгорожено такое золото от людей.

А в Жигулевских горах вблизи от гор Ставрополя, гласит другое предание, Разин захоронил свой клад в пещере и сверху положил камень с надписью: «Кто отвалит сей камень, найдет много золота, но сам он весь облысеет, и род его весь переведется».

Что-то лысых и безродных маловато в Жигулях — кого сейчас испугаешь лысиной или бездетностью. Однако до сей поры этот клад не дается никому.

«Есть предание, что около с. Жигули, — пишет летописец русских кладов, — Разин накатал в подвал, вырытый под рекой Усой, целые бочки с золотом, а в самом городе Симбирске положил 40 бочек золота в подвал, идущий от дома Пустынникова или почтовой конторы мешанина Бурлакова. Выход этот действительно существует, выложен дубовыми досками и имеет своды.

И этот клад тоже под грозным зарокон. Надо сказать, что Разин нигде не повторялся в своих записях, зарокон и способах захоронения сокровищ. И не диво, что был Разин чернокнижник и колдун и доподлинно знал науку о кладах. Однако лучшие свои клады, как говорит древняя старина, Разин сам стережет и не любит случайных людей возле таких кладов.

В тех же жигулевских пещерах, где множество кладов и не только разинских, как-то одна богомолка (видимо, из скиталиц) выбрала себе удобную пещеру, повесила образок и начала усердно молиться. Молилась долго, настала ночь. И явился в пещеру Разин; тотчас со всех сторон пещеры выкатились бочки с золотом, он выгнал богомолку и сел считать деньги».

Так что клады не только кладутся на счастливых или на зарок, но и на самих себя. И тогда человек должен сторожить свои клады, являться на земле, чтобы проверить свои сокровища.

Разин не только заколдовал свои клады «на помин» своей души, но, по некоторым преданиям, в том числе и поволжских народов, является с того света, чтобы отбить у других деньги и имущество. Так, одно из чувашских преданий говорит, как однажды явился Разин к одному пчелинцу и грозно «потребовал от него денег и две кадки меду; когда пчелинец заупрямился было, Стенька погрозил ему саблей. Взяв деньги и две кадки меду, он посыпал на них какого-то зелья и вдруг провалился с ними в землю...».

Есть редкое сибирское предание, что является Разин первым русским переселенцем на Иртыше.

Жил на тракте богатый хозяин постоялого двора, за деньги-золото душу отдает. Нанял он в стражу крепких и отчаянных парней. И сам жил в остерег, деньги прятал в кубышке, закопал ее в землю, а на том месте посадил дуб. Вырос дуб, оплел корнями железную кубышку, никому и недогад, где он золото прячет.

Как-то выпил он с другом-купцом наливочки, и разговорились, ну, хозяин двора, Наумом его звали, и говорит:

— Что возьму, то крепко в руках держу, не зря говорено: «Наум — богат на ум», говоришь — разбойники, а что мне разбойники, я сам птица ловчая. Мне и Сенька Разин, будя он жив, не в устрашение.

Видно, хвастливое слово и до того света доходит. Сидит как-то вечером под этим дубом хозяин, а дуб тот возле леска, невдали от постоялого двора. Сидит и желуди от нечего делать подгребают к себе ногой.

Глядь, а перед ним человек не то что огромного роста, но сильно кряжистый, волос русый, но потускменный, как в могилах у покойников, а в руке сабля острая.

— Ну что, хозяин, не признаешь?

— Не признаю.

— Я и есть Разин, пришел с того света тебя проучить. Говори, где клад, а не то твою голову с собой унесу.

— Клад под дубом, взять не можно.

Тут Разин подпер плечом дуб, крикнул и повалил дуб на землю вместе с вырванными корнями, взял кубышку, посыпал ее желудями, желуди потяжелели, зазвенели и стали монетами. Земля тут разверзлась, и Разин ушел под землю в том месте, где рос этот дуб.

ЗАВЕЩАНИЕ СТЕНЬКИ РАЗИНА

Еще в начале нашего века между крестьянами села Шатрошаны, что близ Сызрани, ходила записка про клад Разина, составленная по устным преданиям и записанная каким-то грамотеем.

Но сначала предоставим слово Н. Аристову — знатоку этих и многих других кладов, объясняющее происхождение этой записки.

«В с. Шатрошаны лежит казны — видимо-невидимо; тут клад — всемкладам отец. За рекой есть земляной вал, и в этом-то валу вырыт большой выход, который немного осыпался, а дверь в нем осела, поэтому можно видеть внутренность выхода на яркий солнечный день. На этот клад было письмо у старого шатрашанского мельника, а как оно досталось, сей час увидим. Шел раз по Шатрашану прохожий, не то хворый, не то разбитый ногами; остановился он отдохнуть на мельнице и разговорился с мельником. Слово за слово, зашла речь о воле и о кладе, прохожий показал письмо мельнику, как взять этот знаменитый клад, на расспросы мельника — откуда достал прохожий это письмо, последний передал ему вот что:

— Нанялся один странник бурлачить на Волгу да и захворал на судне, его высадили на берег в Жигулевских горах; побрел он по тропинке и сбился в горах; долго бродил он в лесу, наконец наткнулся на другую тропинку, которая привела его к землянке. Думая, что это жильё угольщика, бурлак вошел в землянку, помолился Богу, поклонился хозяину, — а тот был старенький старичок, — и стал проситься ночевать у него. «Пожалуй, ночуй, — говорит старичок, — только выдержишь ли ты, страху много будет...» — «Ничего, дедушка, чего мне бояться! Только приюти от темной ночи», — сказал бурлак, а сам раздумывает: «Если разбойники наедут, так у меня взять им нечего...» «Ну Бог с тобой. — говорит старичок, — оставайся». Бурлак лег спать, а старичок все молился Богу на коленях с усердием. Вдруг в полночь разбудил прохожего страшный свист, гам, крик; двери с шумом растворились, и целая стая гадов, змей ворвалась в землянку, налетели они на старика и стали грызть его тело, рвать кожу и высасывать из него кровь. Но как только пропели петухи, ватага удалилась, и все стихло. Бурлак был ни жив ни мертв и, едва рассвело, начал собираться в путь; старичок, который все время лежал на полу бледный, без движения, опомнился и стал говорить прохожему: «Вот как мне суждено мучиться до скончания века; ведь я Стенька Разин...» (По другим преданиям, Разин живет на острове морском. Он все молится Богу, но умереть ему нельзя, слишком уж грехов много, так что его и земля не принимает. — В. Ц.). «Если бы кто-нибудь достал мой клад в Шатрашанах, тогда бы я умер; тогда бы и все, положенные мною, клады вышли

наружу, а их одних главных двадцать. На всякий случай возьми это письмо и попытайся, не удастся ли тебе как-нибудь достать этот клад...»

Я привожу более древнюю и полную легенду о завещании клада Разинным, использованную позже Д. Н. Садовниковым (далее повествование ведется уже по Садовникову). В письме было записано: «Сорок малёнок (пудовок) золота, многое множество сундуков с жемчугами. На все деньги, которые в кладе, можно всю губернию сорок раз выжечь и сорок раз обстроить лучше прежнего. Вот сколько денег. Не пропить, говорит, их, не проесть всей губернии (Симбирской). Как дороешься до железной двери и войдешь через нее, то не бросайся ни на золото, ни на серебро, ни на самоцветные камни, а бери икону Божией Матери. Тут же стоят и заступ, и лопаты, и ружье, заряженное спрыг-травой. Сорок тысяч, награбленных у одного купца, раздай по церквям. Пять рублей меди, брата моего Ивана, раздели между нищей братией. Возьми ружье и, выстрелив из него, скажи три раза: «Степану Разину вечная память!» Тогда я умру, и кончатся мои жестокие муки».

Взял бурлак запись и выбрался из Жигулевских гор. Был он, конечно, неграмотный и отдал бумагу мельнику, а тот на ней табак нюхательный сеял. Воспользовались прохожие грамотники и стали рыть клад. В записи говорилось, что при рытье ударит двенадцать громов, явится всякое войско: и конное, и пешее, — только бояться этого не надо.

Долго рыли, бывало, как праздник, так и роют. Осыпался вал, и осела дверь. Выход был выкладен жжеными дубовыми досками. Может, и дорылись бы, да сплывали в одном слове — клад-то и не дался. Подходит это раз служивый:

— Что, ребята, роете?

Те и ответили:

— Петров крест.

Все в ту же минуту и пропало. Так Стенька и по сю пору мучается...»

Завещание Стеньки Разина: «Шел я, Степан Тимофеевич, сын Разин, из города Алатыря в верх Суры-реки и дошел до речки Транслейки (в 30 верстах от Алатыря) и спрашивал Мордвина, где пройти за Суру-реку, — и перешел со всем моим войском. Дошел я оброда в горы и нашел в правой стороне ключ, и тут мы жили полтора года, и это место нам не показалось. И нашли мы бортника, и он сказал нам место удобное, и шли мы четыре дня и дошли до горы, — еще гора, и в горе ключ, в полдень течет; в горе верхней две зимницы на полдень выходят, среди той три яблони посажены в малой стрелке (мыс между двумя оврагами), в полугоре — ломы, шипы, заступки и доска медная, на верхней горе шелом. Тут пенек — дуб сквозь сверлом просверлен и заколочен черным дубом, и тут положены стволы и бомбы, и тут вырыт выход, и сделан, покрыт, обложен пластинками дубовыми, и в нем положена братская казна, 40 мядянок, а моей — купца Бабушкина, алаторскаво ключника 40 тысяч, и его Ивана (вероятно, брата Стеньки) два сундука платья, сундук третий — запонки драгоценного жемчугу и всякие вещи драгие. Еще 4 пуда особого жемчугу и 7 ружей,

а мое ружье стоит в правом углу, заряжено и заткнуто, а именно — травой. В середине стоит образ Богоматери не оцененный, украшен всякими бриллиантами. Это место кто найдет, и будет трясение одна минута, а расстоянием от пенька полста жирелей (оглоблей); а оный сыскавши, раздать сию казну по церквам 40 тысяч на белом коне, а раздавши — из моего турецкого выстрелить и сказать: «Вот тебе, Степан Тимофеевич сын Разин, вечная память!» А коню голову отрубить. А сия поклажа положена 1732 года. Прежде проговорить три молитвы — Богоматери, Архангелу Михаилу и Николаю Чудотворцу, а потом будет три трясения. — Списал шатрошанский мужик Семен Данилов в месяце июнь».

В завещании не говорится, как надо выстрелить и куда девать икону, но в иных преданиях указано, что выстрелить надобно в икону, а затем отнести ее пешком в Киев. И только тогда можно брать клад.

Как видим, хитро и надежно спрятан клад, замысловаты «отворы» его, и главное — такие подробности описаний, что невольно веришь, что клад этот действительно существует.

ЗАТЕМНЕННЫЕ КЛАДЫ ПУГАЧЕВА

В способах захоронения и «отвора» кладов, в самих характерах зарокот отражается и характер того человека, который их творил. Если, по преданиям, клады Степана Разина в чем-то похожи на него — своей разбросанной бесшабашностью, и положены они «на прощание», то у Пугачева, чаще всего называемого Пугачем, клады, как правило, не даются никому, и заложены они почти всегда не под страшные зарокоты и молитвы, а «на секрет», на выдумку — хитрость. Клады его какие-то деловые, на откуп на том свете: чертей перехитрить, от чертей откупиться. У Разина-колдуна клады чародейские, у Кудеяра, например, тоже разбойника и колдуна, клады не до «скончания века», а просто для надежности: Кудеяр не будет «мельчить», как Пугач, и на Бога он не шел, как Разин (клады, положенные в откуп — стали ему в муку). У Кудеяра, так как он сам из старозаветных богатырей на заставах порубежных, клады, как имущество, которое надежно спрятано и незнамо, как ими распорядиться после смерти.

Пугачевские клады — затемненные какие-то, и клады это не клады, как и сам он — ни царь, ни казак, ни разбойник, а все вместе...

На Поповой горе в пещере близ села Труслейки, там, где клад Степана Разина, где Агафья наткнулась на знаменитый клад — золотую меру (см. «Клад заманный»), по преданиям, Пугачев схоронил две огромные бочки золота. Для крепости и верности он приковал их на медных цепях к железным столбам. И поставил возле них по уговору ли, по закланью на бессрочные времена часового. (Стражи, пока целы клады, не старятся и не умирают.)

Многие видели издали этот клад и шагающего возле него часового в ясную летнюю погоду. Издали видно, а подойдут ближе — ни клада, ни часового, ни самой пещеры. «Но достать этот клад нельзя до скончания века» — так определили охотники за кладами.

Клад этот может показаться, но не является. Это клад-закланник, закованный клад и дается только хозяину, когда он явится за ним с того света.

Когда наступит Страшный суд — так говорится в некоторых старобрядческих записях, — все люди, как один, подымутся из земли голыми, а те, кто заклал клады на свое имя, подымутся, держа на плечах неправедную, тяжеленную ношу. И так будут стоять, прогибаясь костями, до Божиего решения.

Идущий на царство через ложь, Пугачев — хитрец и обольститель, этот новый Лжедмитрий, клады свои оставлял про себя. И в этих преданиях и легендах о Пугачеве народная прозорливость точно подметила основной порок лже-Петра III — лживость и корысть. Сказано же: «Хитреца — для подлеца, а правда — для молодца».

Говорят, был у Пугачева особый дар на собирательство и был у него особо дорогой его сердцу клад. У одного губернатора добыл, а самого живьем в прорубь спустил, чтобы «не давал больше приплоду». А это сокровище было приданым его дочери придурковатой, блажной, стало быть, ну дурь лицо ее и кривила.

— Кто ее возьмет замуж? — говорил губернатор. — А если кто все ж возьмет — тому мои несметные сокровища, потому как единственный отросток моего рода.

Охотники, конечно, на женитьбу время от времени находились, да сами оказывались, кто с дурью, а кто — шарамыжный. А ему нужно было, чтобы с именем оказался жених.

Осталась эта Груня сироткой. Мать ее еще ранее умерла.

Так вот Пугачев посадил ее на простую подводку, хлестнул коня нагайкой.

— Езжай мимо глаз моих.

Клад сей поместил он в лесу в избушке глиняной, в стену куда-то затемнил. Забил окна крест-накрест и уехал. Тут его взяли и сказнили голову.

Сказывают, ночью являлся Пугач в эту избушку, зажигал свечи и при свечах взвалит это золото на плечи и по избушке таскает, пока семь потов с него не выпотится.

Избушка отчего-то, может, от стыда и скорби за сиротку, сама стала как человек. Стала она гнать мерзкий клад из себя вон, а клад заповедан был, ему никак нельзя уходить. Ну и избушка сама собой подожглась с досады и сгорела от свечи пугачевской.

А вот запись от Т. Л. Крестникова на Урале в 1970 году, опубликованная в книге «Народная проза» («Советская Россия», 1992 г.):

«Есть у нас места, которые в народе пугачевскими зовут. Это в горах, недалеко. Сказывают, будто бы Пугачев с войском там стоял, когда от царской армии отступал и решил оставить лишний груз — золото, задумал упрятать его на дне озера Инышко.

Когда сбросили бочки с золотом, озеро начало затягиваться илом и землей. В пяти-шести местах над дном получилось как бы второе дно. Бочки-то с золотом тяжелыми оказались и, пробив одно «дно», упали на настоящее дно озера.

Говорили также, будто один богач захотел достать пугачевское золото. Разгородил озеро, пытался выпустить воду, но у него ничего не получилось. Будто бы озеро не захотело отдавать пугачевское золото богачу, и, может, само золото не захотело доставаться никому».

* * *

Такова прехитрая судьба пугачевских кладов без писем, без молитв, а положенных просто так, на затмение...

Предания о кладах — это и история, и мифы как явление до конца не отмершего на Руси язычества.

На южных окраинах русской земли духов, которые сторожат клады, соблюдая все зарокі хозяев, зарывших клады, называют «кладовик». Это главный дух, дух-атаман. У него есть подручные — «кладенцы».

При скрyтии клада при помощи заговоров и различных ритуальных зарокoв вручают его под охрану этих кладовиков и кладенцов. Чем больше клад — тем больше стражи и больший выкуп, а цена этого выкупа — душа человека.

Этот дух клада на русском Севере зовут «кладовым» и признают, что «эти сторожа действуют всегда вдвоем: один из них — «лаюн», прозван так за то, что обращается в собаку-лайку, при первом покушении на клад, другой — «щекотун», оберегающий клад в виде белобокой птицы сороки-щекотухи» (так по С. Максимову).

В Белоруссии этот дух превратился даже в божка — Копшу, который любит вознаграждения за то, что наводит на клад; на Орловщине он странно получил имя Кудеяра.

При Петре I, несмотря на огромный прилив новых воззрений и идей, вера в клады даже в царской семье (царевна Екатерина Алексеевна) нисколько не была поколеблена.

А в XVII-XVIII веках, когда повсюду на Руси усилились разбои, вера в клады, особенно разбойничьи, получила пищу и для исторических преданий, и для поэтических сказаний. Разбойники водились в городах и лесах, при степных и водных дорогах.

Одни разбойники погибали, других отправляли на каторгу, где они рассказывали своим товарищам о своих кладах. Так рождались предания о кладах, которые подвигали на действие многочисленное племя кладоискателей и кладодобывателей.

КЛАД — СОН ОБМОРОЧНЫЙ

В селе Терebenь Калужской губернии жили в конце того века старик со старухой. И не то что бедные, но какие-то чудные.

— Счастья не наживают, оно само наводит на себя. Как грибы, в лесу глазами их не рыщут. Или клад вот, он сам позовет, — говорили они людям.

Вот прошло двадцать лет и еще двадцать, совсем состарились дед с бабкой. А клад так им знака и не подал.

А тут их соседке Алене приснился сон. Пришла она к ним, чтоб старуха растолковала ей сон.

— Бабушка, я нехорошо видела, будто все вещи в избе у нас попали. К чему бы это, а?

— Не к пожару это, не к смерти. А ты весь сон сказала?

— Нет, не все, бабушка, а попадали они в овраг у Лысого камня.

— Ну, это к тому, что все случится не у вас.

Ушла соседка. Стали старые дальше отгадывать сон, а старуха и сказала:

— Это клад, Федорович, через Алену-соседку дал нам знак.

Немедля собрались они и вечером пошли к овражному Лысому камню. Пришли на то место, расстелили простыню и наложили крест. Сколько просидели — не вспомнили. Вдруг показалось им — рассвело. Идут люди и говорят:

— Что вы здесь сидите, один и другой?

Они увидели, что уже день, что клад не укараулили, пошли домой. Отошли от того места, и тут же обуяла их ночь. И с тем пришли домой ночью.

— Старик, да как же это так? — сказала старуха, дрожа от страха. — Ведь и версты нет до дома, а выходит, вишь, весь день с утра до ночи шли до дома, а расстояние-то всего-навсего верста. Как это так? Это же не соответствует своей действительности.

— Выходит, бабка, примнился нам день-то, — стал отгадывать этот случай старик. — В помраченном времени, в заколдованном кругу мы побывали с тобой. И людей ненастоящих видели. Слава Богу, что нас благополучно вынесло оттуда.

— А сон? К чему бы это?

И действительно — все с того сна началось.

Пришли они к соседке Алене и говорят:

— Нехороший сон ты, Аленка, видела — обморочный, и нехорошо, что нам его рассказала.

— Какой сон? Никаких снов я не видела.

— А утром кто приходил сегодня?

— Да гляньте вы на улицу — ведь утро-то только началось.

Посмотрели старые друг на друга, жутко стало у них на душе, и, боясь оглянуться, побрели они как не по своему времени к своей избушке, где была еще ночь и горел на столе ночник...

* * *

У сна два направления: из сна в явь или из яви — в сон. Первый сон является как бы эхом того мира, который весь — будущее. Энергия того света воплощается в видения, в вещи символы. В нашем случае странно, как-то магически клад указывает на самого себя. Объявляется и пропадает, словно он не может привиться в этом мире. Старые люди говорят, что такой клад не земной, должно быть, бесы прячут друг от друга сокровища.

В г.Токмаке к старику Чернышеву, человеку несуетверному, на-смешливому и зажиточному (сын был послан в Бразилии), три раза привиделся один и тот же сон, будто явился к нему покойный родитель и сказал:

— На ближних сыртах схоронен мною клад. Открыть я тебе его не успел. Теперь он меня мучает там, где я теперь живу. Спаси меня —

иди туда и открой. Там есть приметное место — большой камень, ты подрой его...

Чернышев посмеялся над этим своим сном.

— К чему сие явление? Дурень, значит, стал во сне. А все цены: летят гуськи — дубовые носки, кожаные шейки.

Через неделю родитель опять пришел во сне и то же самое сказал Чернышеву. Тот и вовсе расстроился. И сказал себе: «Покойники снятся к перемене погоды».

В третий раз отец вовсе пришел во сне расстроенный и, сказав то же самое, отхлестал старика Чернышева ремнем:

— Вот тебе, неслух, к перемене погоды!

Проснулся Чернышев, мягкое место болит — рубцы синеют.

«Что-то не так! — решил он. — Рубцы-то вправдашние». Собрался и пошел на то место в верстах пяти от города. Захватил с собой саперную лопату. Стал он рыть — и тут его затмило, голос услышал:

— Чего ты, старик, могилу себе стал копать? Не рано ли?

Оглянулся — никого. Он опять принялся рыть. И опять голос из воздуха соткался:

— Чего ты, старик, могилу себе стал копать?

И в третий раз голос из воздуха остерег его. А он в ответ:

— Ах, тютюнь-растютюнь, глотка ветряная.

Тут его что-то как ударило — ворона села на лопатку. Ему бы перекрестить ее, но старик давно отвергся от веры. Кинул он в ворону комком земли, задел за крыло — одно перышко отлетело и стало золотой цепочкой. Чернышев подхватил ее и драпу. Побежал к городу, а вышло — в горы. Там на горе дома стоят, и его избу видно — высокая. Он — назад, а местность вокруг другая: леса сосновые, и в них люди с тремя лицами на голове. Глянул он в ручей, а там люди текут, и каждый держит на груди свое лицо, и спереди головы — лицо, и лицо с лицом разговаривают и смеются, а его, Чернышева, отражения в воде нет.

— Как же так меня нету?

Тут он прочитал молитву — проняло. Все исчезло.

А он еще только за город вышел, и лопатка чистая, новенькая, в смазке, как прежде.

Он и вернулся назад. Жена зовет завтракать. Чернышев и говорит:

— Я за город сейчас выходил, согласно своему сну.

— Да что ты, — говорит ему жена. — Ты и отлучался-то всего на минутку.

— А где же я был?

— В сарае инструмент проверял.

Ему потом и сказали, что нужно в церкви помянуть родителя и клад с него снять в церкви. Так и сделал и долго еще гадал, что же это с ним происходило. И, как человек читающий, с философской склонностью, определил:

— Землю, должно быть, не довернуло, а потом довернуло, ну, я и попал в зазор...

А что, уловил, уяснил что-то старик: земля с солнцем всякий миг находится в новой космической зоне.

ЗАГАДАННЫЙ НА ЧИСЛО

Дед Ефим из станицы Самсоновской рассказывал про клады:

— Раньше клады хоронили под зарочную печать. Это разбойничьи клады. А вот как пришли семириченские казаки с первой германской и стали воевать с ними большевики, то и стали клады не зарочные, а урочные, спрятанные под сроки, иначе сказать — под число.

Уходили казаки в Синьцзян, не успел хорунжий Богдан Попов золото свое навоенное взять с собой из спрятанного места. Затюкался-заюкался — обернулся кабаном, прибежал к своей избе, захрюкал, завизжал — это он урочил, срок кладу своему заказывал. Сторожа увидели кабана, стали в него стрелять, сто пуль выпустили, а пули от шкуры отскакивают, как горох. Так и ушел кабаном в Китай, уже там перевернулся человеком.

В ту пору поселился я со своей Улитой, женой моей, стало быть, в черной поповской избе, а в белой — новые власти. Вот живу год, вот живу второй и третий, в общем, нагустились года. Мы уже и детей шестерых нарожали, как вдруг кто-то ночью стал стучать в стенке, ровно цыпленок в скорлупе: хуп-хуп-хуп. Улита ночью проснулась в настороже, в бок меня толкает:

— Кто-то к нам, Юша, в стене стучится не по-людски, несусветь какая-то.

Я прислушался: кто-то в стенке ходит, кулаком стучит оттуда, хочет высвободиться.

Улита стала на молитву, хочет молиться, а слов молитвенных вспомнить не может. И все-таки в стенке-то притихло.

Проснулась в сенках дочка Улита Маленькая.

— Тятя, в стене кто-то ходит, боюсь.

А это он, застенный, перешел в сенцы, чтоб не слышать молитвы.

Тут только я и догадался, что это клад ищет себе хода. Клад-то урочный до поры до времени живет на том свете без вешественности — знаком и числом.

«Клад явился хорунжего, — думаю я сам в себе, — да как же его вызволить, в руки взять?» Тут и догад меня вразумил: «Ныне 15 августа 1939. Значит, пятнадцать и еще восемь (месяц-то восьмой) и число года вкупе. Вот и вышло 1962».

Встал я спиной к месяцу, а лицом к восходу и, положив крест на стену, произнес это число. Слышу — что-то затрещало в стене, посыпалась штукатурка. Вижу, мимо меня бежит петух весь красный и на лбу горящая свеча. Врасплох схватился я за свечку — она тут же погасла, а в руках у меня осталось пять золотых монет. Стою в оторопи, как дурак, держу эти монеты в руке. Улита подошла ко мне в сердечной растраве.

— Чего это ты в полглядки с петухом? — говорит она мне. — Это же был клад-поманиха. Нужно б его наотмашь бить, наотмашь...

Бранила меня, ох, как бранила, делала раскруты. А какая у меня от-машь, когда руку в плече вынесло, когда я черного комиссара заваливал.

Положил я золотые под подушку возле стены, которую опалило петушиным жаром, вроде как жерло.

Вот Улита и спрашивает:

— А где золото?

— Под подушкой, — говорю.

Сняла она подушку, а под ней желтые мухи копошатся. Как замала Улита руками!

— Тьфу, тьфу, тьфу — мразь.

Мухи и улетели в форточку. А на стекле, где они задели крылышками, золотая пыльца осталась.

Теперь уж Улита оплошала, да не стал я ее корить. Так и стал жить разлученный досадой. Ушло мечтанье, и нечего теперь отряхнуть в душу.

Да и что ждать, если клады, которые не дались в руки, появляются раз в несколько тысяч лет, а остальное время они живут на звездах, на другой их стороне, и стерегут души своих бывших хозяев...

* * *

В «Выписных книгах» можно найти клады, положенные на число «зверя», на «тысячу лет», а есть и на «число, когда убьют великого человека».

Уходя из Семиречья в Китай, а затем в Австралию, положил полковник Бойко свой клад на число своих боев. Внуки или сыновья должны сами были сосчитать количество битв, в которых он участвовал. А бился он и в японскую, и в германскую, и в гражданскую войны. Внучка его Ефимья — ей удалось вернуться домой по хрущевскому соизволению, который «соизволял», как известно, от фонаря, и вспомнила о дедовом кладе, так как любила слушать его рассказы о войне, расспрашивать о сражениях, и незаметно вызнала все: тридцать одно сражение провел старый воин, о чем она ему и сказала.

— А остальное — дело техники. Узнаешь, где был мой дед, в подполе, в левом углу, три раза перекреститься и назвать число — клад сам и явится.

Только беда; дома не оказалось в живых — порушился от небрежения.

Ефимья все-таки вызнала, где стоял дом, — там было кладбище. У одной могилки сидит старуха. Разговорились, она и спрашивает к чему-то:

— Сколько тебе лет, дочка?

Та и скажи:

— Тридцать один.

Что-то надоумило ее так ответить.

— Я тебя и ждала. Вот гостинец припасен тебе, пакет один человек нездешний передал.

— Это не мне, бабушка.

— А ты посмотри записку, там и имя твое — Ефимья, и фамилия девицы.

Она заглянула в пакет, а там деньги царские на бумаге, а в сумочке — золото. Глянула в записку — в точности ей. Подняла голову, а старухи как и не было — в воздухе растворилась.

* * *

Иногда клад сам спрашивает число у встречных людей, но не прямо, а чтобы определили его возраст.

Как-то девочка шла из школы. Вечер был мерклый, но теплый, летний. Видит девочка старика с котомкой, вроде бы дореволюционного, точь-в-точь как в книге по истории. Даже лапти всамделишные. Девочка была вежливая, обходительная и поклонилась старику:

— Здравствуйте!

— Здравствуй, внучка! — ответил старик. И тут же спросил: — Вижу, догадливая. Если с трех раз отгадаешь, сколько мне лет, подарю тебе одну знатную вещичку.

Она и впрямь была догада, прикинула, что одет еще до советски, и со второго раза отгадала. Первый раз сказала «80», второй — «90». Столько лет было, конечно, кладу. Дал он ей что-то в перевязи.

— Дома развернешь.

Дома развернули, а в сумочке тяжелой золотые листы свернуты в трубочку.

Только через 10 лет после этого рассказали в их семье об этом: боялись, что отберут государству, да еще накажут. Не раз было такое.

Вообще, наша речь легко выражается в числах, в них и запечатлевается. В каждой цифре — своя магия и конец мира, приготовлен в счислении апокалипсических цифр. Но цифры — еще не число. Число — тайна, как тайна триединства «ббб», тысячелетий, на пороге которых человечество «спотыкается», множественность начертаний букв числа ни о чем не говорит, это единое, целокупное число не нашего, земного счета.

ПРО КЛАД ПРОСРОЧЕННЫЙ

На Белгородчине бытует такое предание. Над большим прудом возле Белгорода в ночь под Ивана Купалу восходит сияние, столп сияющий — и в нем голоса. Плещутся — шур-шур-шур. Это клад просроченный себя выказывает.

А был клад положен посредине пруда, под плиту железную богатым купцом. Если поднять эту плиту — выйдет из-под нее столько воды, что достанет и до Белгорода.

Для берега стоят вокруг пруда закланные вербы, и под ними захоронены были холерные люди. Кто срубит первую вербу — у того нога отвалится, вторую — рука отнимется.

Прошло уже три заповедных срока, и клад либо в прах рассыпался, либо провалился в преисподнюю чертям на украшение. А плита железная падет купцу на грудь и будет жечь адским огнем.

Умрет клад — и станет то место навечно проклятым.

КЛАД ПРО ЗАКЛАД

А есть еще клад, кладут его о заклад. Такой клад редкость, от причуды.

Жил на Иртыше такой мужичишка, так себе, заваливший. В общем, драный лоскут. Ходил криво, глядел слезливо, один глаз — на Кавказ, а другой — на улицу. Днем он — человек пришибленный, жалкий, зато ночью — другой: плечи распрямлялись, глаза — зраки, огонь в них мечется. Вывернет шубу шерстью наружу, приклет черную бороду наме-

сто рыжей бороденки, возьмет в руки топор и идет в лес на дорогу. Ночь темней — вору прибыльней. Встанет посреди дороги, как свистнет разбойным свистом — птицы валяются с деревьев. Ударит коренника топором промеж ушей — тот с копыт долой. Тут и оторопному езду — конец.

Люди догадывались, что нехорошим делом промышляет мужик, и дали ему соответствующее прозвище — Господи помилуй.

Так вот, этот Господи помилуй выкопал в темной уреме подземелье тайное и складывал туда золото и серебро. Спустится туда с черной чертовой свечой, сядет напротив окованных железом сундуков с сокровищами, и душа его тяжелеет от всяких мечтаний: вот придет он к китайскому императору, отдаст ему ключи от золота, а китайский император сделает его, простого мужика, китайским визирем (такой чин дал он китайскому мандарину) и даст ему в жены пятьсот самых красивых китайок, а красивых славянок он, мужик, сам накупит себе на базаре. И будет он, кого зовут Господи помилуй, ходить в эполетах: на левой эполете — Будда, на правой — Николай Угодник.

Известно, не та мечта, что мысли плавит, а та — что душою правит. Из мечты, когда она дальняя, как из улья пчелы, всякая кикимора выводится.

И стали оттого являться мужику в яви и в телесной наличности черти и совсем не матерые, а вовсе мелюзговые. И все с каким-либо изъяном: кто криворотый, кто с прилепнутым под хвост носом, а кто с оторванным хвостом. И все черти — китайчата. И славный китайчонк заключил с разбойником рукописание про клад под заклад: мужик им — свой клад, а они делают его китайским мандарином. И для этого случая были подобраны заповедные слова: сигамиска ига чес, что в переводе значит — одна миска пять рублей.

Скрепил разбойник рукописание кровью своей из пальца, а по неграмотности не прочел, что там китайчата накалякали. А там было обманно прописано, что берется Господи помилуй быть при своем золоте в вечной охране в виде китайской статуэтки богдыхана и что клад открывается на такое действие: нужно три раза чихнуть и три раза плюнуть на китайского богдыхана, стоящего в миске у входа в подземелье, а потом произнести «сига миска — ига чес». И тогда богдыханчик железный размякнет, покроется кожей и волосом и подскочит с миски живым мужичком и потребует пять рублей на выпивку. Это означало, что клад хоронится под заклад пяти рублей, а душа его закланная поступает в полную собственность чертям.

Охотник Яков Фомич, который поведал мне всю эту историю, приобшил к ней и свое соображение.

— На том свете придурки идут на окурки, дурни — в урне, дурошлепы в холопы, а наш дурак в дырку — чертям на подтирку. Такова значит, у него душа, ни на что не годная.

Вот и жил, оборотясь в богдыханчика, Господи помилуй в миске, пока один сметливый человек не распознал про этот заклад. Нашел вход в подземелье, все сделал, как надо: плюнул на макушку статуэтки, три раза чихнул, заветные слова произнес, а богдыханчик вместо того, чтобы сняться с места, как харкнет ему в лицо железными опилками. За-

тмило глаза кладоискателю болью и истомою. Очнулся он на кладбище, держится за железную звезду на могиле, а у ног жаба квакает. Как схватился бежать неудачник со всех ног с того места. Бежит он, волосы дыбом, как плавник рыбам. Люди кричат:

— Что с тобой, Михайло? Сколько раз обежал вокруг своей избы, и все в неугомон. А кочерыжку-то в руках зачем держишь?

— Люди, где я? — орет Михайло.

— Дома ты, дома, — отвечают.

— Зачумленный я разумом, — говорит им этот Михайло. — Был близ клада, в миску плевал, на кладбище бывал, а вот теперь бегу дураком.

— Кладу, знать, срок не вышел, — определили знающие люди. — А как ты хотел кладом распорядиться?

— В город уехать, большой дом купить.

— Душа кладина в деньги складена и нуждается в откупе. Сначала у стражи клада откупиться надо, а потом подаяньем нищим да несчастным — за загубленную душу хозяина клада чтоб молились — воздать.

— У меня и помыслов-то таких не было.

— То-то и оно. Клад этот, видно, закладной и урочный. А когда явится или сам на себя наведет — неизвестно: рыбка плавает по дну, хрен поймаешь хоть одну.

Такой клад слышит людские мысли, видит их начертания в воздухе, и потому, как правило, в руки не дается и навечно прирастает к обреченной душе своего хозяина, а может быть, и сама это уже его душа...

КЛАД НА ИМЯ

А еще клад на имя бывает запечатан. Прячут его на имя любимой жены или верного друга. Хозяин такого клада обыкновенно доживает до одинокой старости. В большинстве случаев это человек не разбойного склада и не умученный скопидомством, а человек с поврежденным сердцем. Таким был в начале нашего века атаман шайки Хват. Это был городской разбойник, промышлял в Воронеже, где я и записал в 1960 году его историю.

Хват — прозвище. Фамилию свою он никому не говорил и поэтому прозывался Хват Бесфамильный. Он был бойким на язык мужиком и говаривал про себя: «Живу браво, говорю кучеряво». А в старости, благополучно бросив свой грозный промысел — кто, мол, я? Моль на шестке, блоха на носке, — скопил злато-серебро. Золото веско да кверху тянет.

Никого не любил Хват, но приглянулась ему девица когда-то — то ли Елена по имени, то ли еще как, а любви с ней не вышло. Вот стал Хват умирать и клад завещал на отзыв по ее имени. Сей клад сам должен являться раз в десять лет к самой красивой Елене в округе в день ее рождения.

Как-то в семье Загладиных собрались за столом справить восемнадцатилетие младшей Леночки. Только сели за стол — в дверь постучалась почтальонка.

— Кто здесь Елена?

Крестная Леночки, тоже Елена, откликнулась:

— Я есть Елена Александровна.

Станным взглядом посмотрела на нее почтальонка.

— Вам письмо.

Вручила и тут же исчезла, как сквозь землю провалилась.

Взяла крестная письмо в руки. А письмо желтое, тяжелое — все из золота. Сдогадило старуху: видно, Леночке письмо.

— Это тебе.

Та взяла письмо в руки — свилось оно в золотое кольцо.

С той поры все Елены стали свой клад караулить. Но клад не выходил к ним.

Прошло еще десять лет. Уже советская власть наступила. Приехала в село учительша молоденькая, комсомолочка. Принесли ей ученики в день рождения цветов, а меж ними затесалась незнакомая девочка, рыжая, вся конопатая, поднесла цветы и говорит:

— Поцелуйте меня, Елена Александровна! Вы такая красивая.

«Чего это ее сподобило? — подумала Елена Александровна. — Ненормальная какая-то». И осторожно, в легонькую, поцеловала ее в веснушку.

— Эх, было счастье, да не по уму, видать, — вздохнула девочка и тут же исчезла на глазах, а на полу осталась золотая монета.

Так вот вышел еще раз клад, да на недогадливую: клад требует откупа и чтобы не впопай, а от чистого сердца и не с брезгливой мыслью. Нужно было клад, явившийся в виде девочки, крепко расцеловать — она бы и рассыпалась на золотые денежки и бриллианты.

Клад, положенный на имя, является три раза на землю. И если, не зная зарка, не возьмут его — он на веки вечные останется умершему хозяину. Он-то там на том свете этим кладом и откупается от нечистой силы, убавляя или ослабляя свои вечные муки. Оттого в таком кладе особый, хитрый загад. Все вроде просто, умом понятно, но слабое чело-вечье сердце обязательно напутает...

КЛАД НАЗВАННЫЙ

Клад названный — особый вид клада на имя. Это клад — не в догад, не в просчет, а самоименной. Такие клады любили делать купцы, прикидывавшиеся при жизни бедняками. Клады названные — из золота, отложенного на «черный день». Такой клад сам получал имя — иногда простое, чаще же всего загадочное или чародейное.

Омский купец Калетников, благополучно опочивший перед самой революцией, при жизни любивший насмешничать, и перед смертью насмешничал над своим кладом — дал ему на отзыв имя: «Косо-лукаво, куда побежало?»

И действительно, клад являлся в свое урочное время кривовато-усмешливым старичком, а то и кривоглазым зайцем.

Был этот клад еще и урочным. Он являлся только в сумерках и косил на левый рог месяца, то есть являлся еще заговоренным на новолуние. Имя такого клада почти всегда остается неизвестным людям на веки вечные. Тот, кому он явился, должен по виду догадаться о его имени.

Семиреченские казаки хоронили свои клады до поры до времени, до возвращения на родину, когда уходили в Синьцзян. Сотник Фролов положил свой клад под именем «Плетка». А сам вернулся только в шестидесятые по хрущевской произвольной милости.

Клад этот являлся его брату на рыбалке (брат жил уже в городе, а не в станице Юрьевской). Сидел он на берегу Чу с удочкой в ленивые вечерние сумерки и вдруг увидел — идет по воде плетка к нему. Павел оторопел (он тогда про братний клад и слыхом не слышал). Зажмурил он глаза и перекрестился: плетка остановилась да как хлестнет по удилицу — серебряные искры посыпались по воде, несколько искр достало и до Павла. Глянул он, а это серебряные монеты. И вспомнил он тут любимое братово присловье: «Черт — с водкой, а казак — с плеткой». И тут в него да прямо в лицо кто-то как швырнет золотыми монетами, да как захохочет, да как закричит:

— Поздно скумекал!

Когда сотник Фролов вернулся и пришел на место схоронения клада, к Змеиной норе у Календарь-горы — клада на месте не оказалось. Все было так, как оставил Фролов: камень, загородивший вход в пещеру, лежал на месте в прежнем положении, крепко врос во мхи и сам омхovel.

Видно, клад переродился, стал живым и ушел искать себе душу. В кладе — чародейная подневольная сила.

— Ну а ваш клад, — спросил я у Фролова, уже глубокого старика, — плетка-то чем может стать?

Фролов задумался (я чувствовал, что он перегружен сам собою) и сказал:

— А каким-нибудь бесноватым существом. В городе я таких встречал, патлатых и вихлятых, дергаются... А мой клад скорее всего бродяжит где-нибудь...

Есть названные клады с именами «Кашира», отзываются на девиз «Кашира всех рогожей обшила». А с именем «Юс да ижица» отзыв — «Юс да ижица — конец близится»...

Иногда клад является «с паролем», подойдет к человеку, спросит:

— Из дураков?

Нужно сказать в ответ: «Я каков — ты сам таков».

Иной клад загадывает загадку: «Новичок обмылся и нас обмыл?» Ответ верный — «новолуние». Явленный клад тут же у ног рассыплется — гребни тогда золото.

Клад на присказку, например «коробуля», придет, скажет:

— Коробуля.

Нужно тут же ответить: «Коробуля, коробуля, не ходи-ка по горбулям. На горбуле есть угода, унесет тебя погода, погода унесет, затащит ненастьем». Клад тут же рассыплется на золото.

И еще много причуды, наговора, чародейной игры связано с этимикладами — и все в ожидании крепкого оберега, чтобы клад достался только удачливому, с быстрым розмыслом человеку, каковым себя, конечно, считают хозяева кладов.

Такие клады охотно разыскивают наши деревенские кладоискатели, рассказывающие самозахватно и разрывающие курганы и курган-

цы, ищущие тайные подземные ходы и пещеры, как всегда, впустую. Если же и находят, то исторические захоронения, а не заговоренные кладенцы. Все они кончали жизнь неудачниками, если не гибли где-нибудь в завалах. Клад, как правило, заговорен на беду и смерть «для посторонних», ведь замечено, что «клад да талан не на всякого живет, а убытка да беды не минёт».

Из записей о кладах, из устных рассказов я только об одном охотнике и пчеловоде слышал, что ему клад сам дался в руки. Сидел у себя в будочке он на пасеке, смотрел, как пчелки летают с взятка, все — к себе, в «лежаки», а одна — прямо к нему, большая, золотистая пчелка не пчелка, села напротив и в глаза ему смотрит, а глаза — человечьи, глубокие, внимательные. И говорит она (он голоса не слышит, а слова слышит, словно мысли ему свои передает): «Корова пестрая, соски острые, сук на боку — хороша к молоку». А он мыслями сам в себе сказал на ответ: «Пчела, и не коровушка, а государыня». Тут-то как шлепнет, как зазвенит — золото-то и посыпалось. Собрал пасечник его в шапку, отнес домой, стал менять золото на деньги, разбогател. Тут на него и донесли, мол, нашел государственный клад и утаил. Пришли с обыском и отобрали, а самого чуть было не засадили: «Клад — богат, да люди завидуши, кладу угодил, а сам в беду угодил».

О таких людях говорят: счастливы, да счастье их все в дырках.

КЛАДЫ НА СЧАСТЛИВОГО

Клады «на счастливого» клали чаще всего — игроки, фантазеры и авантюристы, следуя поговорке: клад да талан про «счастливого», не беря в разум вторую ее часть: «грех да беда редкого минет».

Этот клад — на «авось», безоглядный зарок на любого дурака, а дуракам, известно, больше всего подфартит. Главное — быть счастливым. Удачливый ходит — на клад набредет, неудачливый пойдет — и гриба не найдет.

Такой клад — тоже под чарами зарока, но не под семью печатями и семью заклятьями. Таким не нужно отыскивать цветок папоротника против нечистой силы, не нужно помнить заговорных слов, чтобы расколдовать клад. Этот клад, по большей части, и без зарока (построить церковь или раздать часть денег нищим), он не записывается в книги.

Нужно только знать: если вышел клад из земли в виде ли птицы, зверька ли какого или даже человека, нужно ударить его левой рукой наотмашь и сказать: «Аминь-аминь, рассыпья». С. В. Максимов в своей книге «Нечистая неведомая сила» приводит такой случай явления клада случайным людям: «К одной калужской нищенке, в то время, как она шаталась по селу, пристал петух, теребил ее за подол, совался под ноги, ударила его старуха палкой — и рассыпался петух деньгами. Один уломский старик-гвоздарь шел как-то из деревни в город. Дело было под вечер. Вдруг среди поля что-то загрохотало. Оглянулся — катится бочка, а со стороны кричит чей-то голос: «Перекрести дорогу!» Старик испугался, отскочил в сторону — покатила бочка мимо, а в ней ясно слышен был звон серебряных денег» (т. I, с. 171).

Вышла неудача: счастье минуло — душу вынуло. Такие неудачники живут потом в чем-то поврежденные. Послушался бы старик голоса, не

оторопел, перекрестил бы дорогу: бочка, наткнувшись на преграду крестного знамения, рассыпалась бы серебром. Повезло бы старику. Но это не все: если бы его потом не сдогадило пожертвовать часть клада на благое дело, серебро бы обернулось битым стеклом или еще чем-нибудь похуже. Клад человека испытывает на отзывную доброту. В ком доброта мертва или незряча, от того клад все равно уходит. Многие слышали жуткий хохот, да такой, что мороз по коже. Счастливый — это тот, кто сметливый. Скупая душа — сырая. Оскопидомился человек — кладу будет жить у него скучно и невыносимо, кладу нужно рассыпаться, раствориться, лишиться своей личины, чтобы по истечении заповедного срока не стать каким-нибудь нечистым духом, морочью и тоской.

Такой клад сам выбирает человека, которому он дается в руки, на его взгляд, честному и безобидному, с суеверной, настроенной на поззию душой; пусть будет и пьяница даже, но с магическими мыслями и настроением.

В Уломе на Новгородчине, по записям того же Максимова, «деревенские ребята пошли искать клад и по пути позвали с собой одинокого старика, жившего на краю в избушке. Старик отказался: «Зачем идти искать — коли Бог захочет, так и в окошко подаст». Долго искали клад ребята, но ничего не нашли. На обратном пути увидели под кустом мертвого барана. «Давай подкинем его старику в окошко». Утром увидал у себя старик мертвого барана, взял, благословясь, его за ноги, чтобы выбросить на двор, а баран и рассыпался по избе червонцами (там же).

Клад в урочное время обрастает телом, становится чем-то вроде оборотня. Если его хозяин нажил его праведно — клад тоскует во воплощению. А если деньги и золото — разбойные, клад попадает во владение нечистой силы, в нем живет душа хозяина до срока и мучится, находясь в клade.

Клад «на счастливого» может приходиться в человеческом образе — мнимой персоной. Он будет являться тому, кому он сам предназначился, будет подавать знаки на догад. Расторопный поймет, выследит, куда тот клад уходит, возьмет заступ в левую руку, благословится — и клад его.

Моему отцу в молодости являлся однажды клад. Вышел он в сенцы, а навстречу ему идет петух с горящей свечой на голове. Отец схватил конец свечи — петух исчез, а в горсти у отца оказалось несколько золотых монет.

— Дурак я, оплошал. Надо бы наотмашь левой, эх, пятна меня возьми!

Кто верит в клад, поверит. А кто не верит, что ж — не верить тоже резон, не верь счастью — оно на пестром коне ездит...

Бывают и грустные истории с кладами. В станице Талгарской в Семиречье стоял в предгорьях курганец — Запретный, говорили, что там дивный клад закопан ссыльным купцом, мол, даже НКВД заинтересовалось. Мальчишки решились этот клад раскопать. Только принялись за дело — одному из них каракурт (ядовитый паук) вспрыгнул на грудь и ужалил. Все бросились врассыпную, а мальчишку сле-сле отходили. Но с той поры он стал вянуть.

Знающие по кладу люди говорили:

— Чего сунулись! Клад еще не созрел. Станешь выкапывать такой клад, только коснешься лопатой — он вниз еще глубже в землю опустится, и не моги копать — дело зряшное: так до самого нутра земли будешь гнаться. Когда клад созреет сроками, он сам знак подаст. Когда он зашевелится в земле, тогда кукушка и зимой закукует, а потом начнет светиться, ткаться из этого сияния. А как жизнь обретет, так засуетится, потому что на земле больше часа-двух не может держаться. Такой клад выходит только на заговоренные слова: «Под горой, над поляной явись, клад закланный, явись заговоренный вороном или вороной, явись гусакон или гусыней, петухом или курицей, бобром или бобрехой, зверьем или птицей, человеком нечестивым, кобылою сивой или нечистой силой. Вот тебе моя кровь в откуп, вот тебе хлеб в отступ. Аминь».

Я подсократил этот длинный заговор, при котором из надреза на левом мизинце должна капать кровь и стекать на место захоронения клада.

Кто счастливый, к тому клад как бы сам прилипает. Чаще всего это одинокие старики. Видно, записана в заветной записке такая воля или чем-то полюбились одинокие старики самому кладу. Но зарок соблюден: клад дался бедным и одиноким.

* * *

Клад на счастливого, даже если тот нерасторопен и недогадлив, все равно ему достанется, потому что счастливые рождаются с добрым сердцем.

А вот не так давно история случилась, приведена она В. П. Зиновьевым (Новосибирск, 1987 г.).

«Значит, раньше все клали кладу. На ребятешек клали. Деньги. Одна бабушка и положила деньги на внучку: вот вырастет внучка, пусть ее будут деньги. И никто не знал. Старуха умерла.

Дочка выросла до трех лет. Мать вернется с поля — она к ней:

— Мама, ты мне оставила молочко, а его у меня пестренька кошечка вылакала.

А мать замыкала ее в доме, и кошечек никаких нету. Вот ладно... Женщина стала бояться, начала подспрашивать старух: де вот так, у меня девочка обирается, что кошечка какая-то ходит и ест у нее молочко. А я, мол, с подворья окошечки все замкнула — не должно бы кошке быть. А одна старуха знатка была и говорит:

— Девка, ты купи ленточку — метра три — и накажи дочке: как прибежит кошка да станет молоко лакать, пусть она ей покрепче завяжет ленточку на шею.

Вот она так и сделала, наказала:

— Если появится кошечка, будет молочко лакать, ты ей ленточку на шею завяжи.

Замкнула, опять на работу ушла. Приходит.

— Ну что, дочка? Завязала?

Та пошла снова к старухе.

— Что же теперь делать будем? Завязала девка-то. Кошки нету.

— А вот пойдем, посмотрим.

Пришли, залезли в подполье, давай светить. Эта ленточка весится из-под матки. Потянули, а там деньги!

Вот такое было...»

Клад положенный, а вернее — завещанный на определенного человека, будет ходить за ним всю жизнь, даже преследовать его. Клад «обязан» непременно исполнить все условия, все зарок. Он будет то просить, чтобы ударили, то выпрашивать разрешения упасть и рассыпаться.

Удивительную историю о таком кладе поведала уроженка Читинской области И. С. Рязанцева в 1966 году, — будто раз тоже клад положили. Сделали маленький ящичек и где-то под матку в доме затолкнули... Вот, теперь та старуха умерла, сын вырос, женился.

И как уедет сын, молодуха останется, спит спокойно — вдруг орет кто-то:

— Отойди — упаду! Отойди — упаду!

Она спичку чиркнула, подошла: весится гробик. Когда муж приехал, она рассказала:

— Вот так и так, третью уж ночь гроб выпадает.

Страшно им стало — перекочевали в другую избу. Тут соседи собрались, с уружьями, ночи караулили, но ничего не вышло. Как-то осенью зашел к ним мужчина.

— Пустите переночевать — весь перемок.

Они и говорят:

— Вон, иди, у нас изба на острове, там и ночуешь. А у нас тут ребятешек полно. А сам ложись на печку.

Он на печку и лег. Вот подошла полночь. Кто-то и заревел:

— Отойди — упаду!

А он не сробел и говорит:

— Падай!

Вот вдругорядь взревел:

— Отойди — упаду!

Он говорит:

— Падай!

Ну, упало это, гробик. Он утра дождался, посмотрел: ага, самородки золота! Он это золото забрал, гробик с двумя-тремя самородочками принес хозяину.

— Вот какая чуда-то была. Это была кладь положена на вас, а вы боялись. Вот — получи. Если желаешь — меня уважь, а не желаешь — я и так уйду. Ну, он ему еще одну самородку дал. Этот поблагодарил и ушел. Полный карман самородков унес.

Вот такая кладь была...

КЛАДЫ ПОРЧЕННЫЕ

Клады, положенные впопыхах, чтобы только побыстрее спрятать, конечно же, с перевираньем заговоров, без точного ритуального действия, либо так и остаются навечно в земле, либо — порченные, с изъяном — на потеху бесовской силе.

Пролежит такой клад в земле многие зарочные годы, а потом провалится к хозяину на тот свет. А там черти навесят этот клад, бывает, и целый бочонок с золотом хозяину на горб да еще сами усядутся да так ударят по ляжкам кочергой, что вынесет с горб да еще света на этот...

Да и сам клад, в свои сроки став живым, мучится под землей, пока не решится его участь в том или ином мире. Ни заклинательных, ни

притягательных молитв он не слышит, не ведает, потому что безумен и пересрочен.

Правда, знатоки-кладоведы утверждают, что на него действует такой отзвук: как только увидишь загадочного поведения уродца, то должен три раза плюнуть себе под ноги и, растерев плевки, сказать:

— Что ж ты, идол, неужели у нас, окромя этого свету, никакого другого нету?

Тогда и кидайся на клад, бери его голенькими руками, но без оплошания, потому что он тут же на глазах станет рассыпаться на звонья.

Может, это и так, только в многочисленных записях о кладе я не нашел такого счастливого, а может, это лишь одно «вероятие».

* * *

Рассказывают, что где-то под славным Гурьевом набрел один пастух Тимошка Вякин на странного человека с вислой ногой, с выпученным, бельмастым зраком. Идет тот, а у него плечо с плечом перемаргиваются. И шляпа на нем спереди немецкая, в клеточку, а сзади посмотришь — чалма турецкая, по-бабьи стянутая.

— Откуда такой на русской земле?

Идет басурман не басурман прямо навстречу Тимошке, руку протягивает, а в руке лошадиный помет, и, заикаясь, что-то заготовил, зашепелявил, словно это булькает тесто в квашне. А все же что-то разобрал Тимошка.

— Твоя — бей, моя — падай! — И смотрит просительно целым глазом на Тимошку, а этот глаз — всего одна точка, и в нем мертвый лучик прыгает.

Попятился пастух к своим коровам — все-таки живые твари. А коровы все стоят, как статуи, и ничего не жуют.

— Кхы-ы, твоя — дергай, моя — хлоп! Твоя — бей, моя — падай!

А Тимошка повернулся и бежать. Уродец — за ним.

— Твоя — стой, моя — хлоп! — Слышит уже впереди себя.

Уродец забежал загодя его, встал и плюет в землю желтой слюной, слюна шипит и твердеет. А потом как закружится волчком — и тут же ввинтился в землю.

Очнулся пастушок въявь. Коровы траву щиплют, солнце ототмилось, а под ногами — яма и возле ямы тьма-тьмуша мертвых оводов...

— Это тебе, Тимошка, стало быть, клад купца Митрофанова являлся, тот самый, который он зарыл и сам потом не нашел. А было это в те поры, когда русские свой город ставили, — вразумлял потом пастушка-недотепа местный старожил.

* * *

Еще в тридцатые годы в семиреченской станице Юрьевской жил Ерофей Малышев, бобыль криворотый, полуувечный, полублаженный. Глаза у него по-страшному косили: левый — на ширинку, правый — на облака. Так вот он и говорил:

— Бога отменили. А чертей — нет. И я, стало быть, перешел в чертову веру. Меня в органах допрашивали об этом, так я снял с левого плеча бесененка, а он тошенький, как паук (вшами питался), и поста-

вил начальнику на стол. Бесенок взял под козырек, мол, служу Советскому Союзу. Начальник с перепугу отдал тоже ему честь, как своему. Меня и отпустили, поскольку вдобавок обещался клад им показать.

И вправду, спустя месяца три приехало краснопетличное начальство к Ерофею, посадили на подводу и повезли в степь, к курганцам, стали копать под Ерофеевы заговоры-отговоры, выкопали три торбы с золотом. Торбы забрали, а Ерофея отпустили. Привезли золото тому начальнику в кабинет, что честь отдавал бесу, открыли торбы, а оттуда гады стали прыгать и выползать, а один тарантул начальнику и впрыгнул на орден, сел и сидит. Власть окаменела, не шелохнется, знает, что шевельнешься — ужалит. Большие часы просидел в гадах и с гадом на груди. А содельников из кабинета страхом вымело. Когда очнулись люди — ни торб, ни гадов. Только там, где стояли торбы, — черные круги.

Послали брата Ерофея за насмешку над советской властью. А он на печке лежит мертвый, и во рту у него — золотые новые зубы.

— Это ему порченный клад явился во сне, — сказали об этом знатоки. — Клад поручил нечистой силе еще его дед, который и сам был порченный, зад у него вихляло и губы трясучкой сжевало...

Порченный клад — все года нечистый либо залежалый, без востребования, либо — в порченного хозяина, схожий с ним не столько внешне, сколько образом души: кикиморы из порченных душ выходят, вся болотная нечисть, подбесята бесхвостые.

* * *

По записям Н. Аристова, в селе Погибелка Корсунского уезда есть прихотливый клад на дворе у крестьянина: «Никому он не объявляется, только раз показывался одному мальчику лет четырех, который говорил матери, что видит белые голанки, т. е. серебряные деньги. Мать ему советовала взять их, мальчик действительно пытался взять хоть немного. Но, по его словам, как только он станет ловить их, попрыгают у него между пальцев и уйдут в землю».

Этот клад не порченный, а припорченный, то есть утративший записи и отговоры. Кладу надо явиться на свет, а вот силы магической у него нет, истрачена она впусте. Клад порченный — всегда прихотливый, даже блажной, и является в качестве такового обыкновенно неприкажанным, слабым на речь старухам.

В Гусиной Пристани (Северный Казахстан) такой клад в начале 70-х годов сего века явился бабке Мотылихе в виде бубна. Катится бубен по дороге к ее избе и сам по себе золотыми палочками бьет, да так, что от грохота у старухи уши сами встали торчком. А позади бубна идет петух и что-то подклеивает. Глянула Мотылиха, а петух склевывает золотые монеты. Жадность захлестнула ее сердце — бросила она в петуха скалку. Петух упал и рассыпался на множество пуговиц.

— Дура! — кто-то крикнул старухе из бубна. — Какое богатство напрасно сгубила!

Бубен подскочил вверх, и оттуда кто-то страшно рыжий и хохочущий плюнул старухе в ухо. Хотела старуха сбросить с отвращением плевка, а это оказалась золотая серьга.

С той поры у нее разум так и затмело, трясется.

* * *

В селе Павловка возле Корсуни, как опять же утверждает Н. Аристов, были зарыты два клада. Как ни подступались к ним местные и дальние кладоискатели, а взять не могли. Кто зайдет в первую пещеру, где жил тот клад, там ему как сыпанут в карманы и подол золота и серебра, а выйдет на свет, встряхнет чуть — и все разом превращается в сор. «В другой пещере рассыпано бесчисленное количество казны; но кто зайдет и вздумает брать себе из нее — вдруг откуда ни возьмись выскочат дюжие молодцы и зададут ему жестокую припарку».

В Анненском лесу находился завидный клад, заклятый издавна и хитро. Только нашелся один смельчак, отслужил молебен и пошел рыть этот клад; едва он коснулся щупом плиты, которая покрывала котел с сокровищем, как выскочил оттуда цыган и за ним... Смельчак до того перепугался, что на другой день помер.

Такой клад тоже порченый, хотя и с должной стражей. Цыган дубинкой помашет, потом попляшет, а затем заснет на плите и станет невидимым.

Некоторые и исторические клады, как могила Чингисхана вместе с ее бесчисленными сокровищами, остались погребенными в бесконечных просторах пустыни; по захоронению прогнали тысячные табуны, тысячу верст их гнали: одни табуны — с севера на юг, другие — с востока на запад.

Монгольские легенды говорят, что раз в сто лет видят Чингисхана в пустыне на золотом коне, промчится Чингисхан, а потом опять в землю провалится. Чей конь потом ступит копытом в след его коня — тот лишится рассудка, затрясет того лихорадка, и не станет он годным для жизни.

* * *

Вот еще какую причудливую историю довелось мне услышать от казаков, вернувшихся в 1960-е годы из Синьцзяна.

Казак Писаренковым впопыхах при бегстве в Китай был спрятан в скале, в расщелине клад. Скала высокая, отвесная. И положил он его не под молитвенное слово, а под чертыханье и хмельную бормотку.

— Тухло! — кричит кто-то с тех пор из скалы, когда кто-либо из людей приблизится к той скале.

А нужен якобы при этом такой отзыв: «Тухло, да не опухло». Тогда оттуда последует:

— Черт тебя задери!

Нужно ответить:

— Ногу повыше задери!

Так ребяташки и сделали как-то, так на них тотчас полился жидкий голубиный помет.

* * *

Клады обыкновенно кладутся под зарок и под стражи. Сокровища охраняет сила невидимая и видимая, колдовское слово, заколдованные люди — нечисть подземная и сила земная. Запоры, как видим, крепкие и страшные.

Вологодский разбойник «Блоха» приставил к своему кладу в охрану стаю рыжих и злобных собак. И будто кормились эти псы тем, что в каждое новолуние лизали золото — и снова рудели шкурами.

Разбойничий атаман 20-х годов нашего века Принц Фома обрек хранить свой клад трем старушечьим скелетам, в глазницах которых жили каракурты — ядовитые пауки пустыни. Положил этот клад он под такой охранный зарок: кто откроет его клад, тот должен трехкратно поцеловаться с каждым скелетом, а главной старухе вдобавок вставить в челюсти «охранную» молитву.

Разбойник Кузьма Рошин из Муромских лесов положил свой клад под незримые, но звучные стражи: чтобы найти рошинский клад, нужно спеть двенадцать песен да чтобы «ни в одной не было сказано ни про друга, ни про недруга, ни про милого, ни про немилое».

Клады Кудеяра, например, стоят под свечами и ночами порою светятся. Один помешанный имел, по записям С. В. Максимова, заговоры и записи таинственных талисманов, «завернутых в грязные тряпицы, вроде комка глины, добытой в полночь с могилы удушенника, помогающего, как известно, в добыче кладов».

Есть и мудреные стражи. Сидят возле одного клада четверо мудрецов и каждый со своим вопросом. Что тише всего на свете? Где души рождаются? (Там рождаются, где сгодятся.) И т. п.

Стерегут клад и зачумленные мертвецы, как это было с кладом курского разбойника по прозвищу Журавлиная Лапка: на сундуках с золотом сидели зачумленные черные скелеты. Кто дотронется — сам станет чумным.

У кладов Стеньки Разина стражи иные: тросерукие великаны с железными пятками. У других его кладов стражи с тремя лицами, обращенными в три стороны. Одно лицо золотое, другое серебряное, а третье медное. В золотом рту — зубы золотые, обнаженные для поцелуя, а с кем целуются — неизвестно. Серебряный рот воду-вино пьет. А нету воды — сам себе мед вьет. А медный рот гложет того, кто придет.

У безродных кладов будто вырастают такие полужверьки, полубесы — прыгунки, маленькие, черненькие, на концах лапок щекотунчики. Кто подойдет — к тому прыгают под мышки и так щекочут, что человек засмеется до смерти. Возле таких кладов находили человечьи скелеты, у которых ребра были вконец защекочены щекоткой. Если взять прыгунков в пробирку, то можно напустить на людей порчу. Человек будет идти и ни с того ни с сего смеяться, как дурачок.

Старые, вросшие в землю клады стерегут обыкновенно стражи-лежни со свинцовым брюхом. Лежат они на плите, под которой — клад, и не сдвинешь ни силой, ни молитвой, а поднесешь святую свечу — подпалит свинец, и станет он водой, потечет, разбежится, и тогда поскорее бери клад в руки и беги, не оглядываясь.

КЛАДЫ ЗАБЛУДШИЕ, БРОДЯЧИЕ

Есть клады, положенные наспех, на «авось», без должной словесной скрепы. Это случается в години смут и нашествий. И судьба у этих кладов выходит по пословице: авось да небось, оба брата, оба лежни.

Когда созреет такой клад, когда захочет даться в руки — неизвестно. По народным поверьям, водит его нечистая сила.

Мне на практике в 1956 году в Гремячем под Воронежем довелось записать дивные истории о местных кладах, и почти все — о бродячих либо расколдованных само собой кладах. Вот один из рассказов.

Кудеяр здесь был, спрятал клад, а где — и сам забыл, ни заговора, ни срока не положил на клад: бочку золота. Лежал двести лет впусте, натмился в земле плотью, тягостно ему стало лежать в земле — надобно объявиться. Вот он и стал являться, превратившись в бродячего человека с черной бородой, сухой в плечах, точь-в-точь живой Кудеяр. Кто его увидит, даже прилюдно, — сразу примолкнет да придрогнет. Так напугает: идешь, а ноги сзади остаются.

Как-то вечерами наши мужики, под яблонями чай пили, разговоры разные вели, заговорили о кладах. Тут и появился чернобородый человек, поодаль остановился, лица не видно — белое пятно с бородой.

— Откуда? — спросили захожего человека.

— Из тех мест, откуда и ты лез, — ответил сердито. Ответил, да не он, а будто кто-то другой из-за его плеча.

Поморщились мужики, всмотрелись: стоит человек и рукой к себе манит.

— Что тебе надо?

— Ничего. — Опять удивил голос: не по воздуху идет, а по земле.

— Ничего и дома много, — пересмеялись мужики.

Человек стоит, качается, словно дым.

— Да ты чего, гость дорогой, непрошенный, дармовой, — крикнул ему шутейный мужичишка по прозвищу Щелчок. — Молчать, так дела не скончат. Не хошь разговаривать, так шпарь отсюда. — И пустил в него палкой.

Тут дармовой человек как сквозь землю провалился. И там, где он стоял, блестела горсть золотых монет. Тут и догадались, кто это был.

— Малость придурковат ты, Щелчок, — подосадовали мужики. — Это тебе клад явился в видимом опознании, рукой тебе примахивал, манил.

Тут вдруг кто-то в кустах как захохочет дико, потусветно. Глянул Щелчок на монеты, а в руке у него — козы костяшки.

С тех пор как бы ополоумился Щелчок, тихим стал, задумчивым, все на звезды смотрит, что-то вычисляет, что-то заговорное бормочет — бормота болтучая.

Чтобы опаматовать свой разум, взять себе другую судьбу, навалился ходить с ружьем на охоту в поле.

Как-то по рани встретил незнакомую девочку, хотел стрелять по белому платочку, да девочка закричала:

— Не убивайте!

Тогда он ее наотмашь левой рукой. Упала девочка целехонькая естествен, а Щелчок возле нее золото ищет. Встал ему догад: да это же блаженная Ксюшка. Дал ей деньги, чтоб молчала.

«Рано встал да подопнул. Хоть в дом, хоть к кусту, а охота впусти», — говорили о нем.

— Чего без добычи или ошибенно перья, а тетеря улетела?

— Хожу на сияние, — с загадкой говорил в ответ Щелчок. — Где засветится — я туда.

Так и проходил всю жизнь на сияние. Семью по миру пустил. Это его манила нечистая сила, завлекала на сговор.

А клад-то был рядом. Встречали его люди, кто — в поле, кто аж возле Воронежа и на Тихом Дону. Будто шел, держа раненую руку, и корчился — это он свою могилу искал, Кудеярову, стало быть.

От долгого пребывания в земле, под крепкими стяжами зарока клад становится деревом. Из дерева он становится человеком, вырвет корни из земли на Иванову ночь и уходит, унося в себе золото. Оттого и ходит клад тяжело, одышливо. Если много золота — тяжесть-то какую носит! Как его отличить от обыкновенного человека? Прежде всего имеется какой-либо изъян: то горб, присосший к боку, то слюнца зеленая, полоротая, а лица не видно, то вовсе без рук...

Чужбиной веет от такого, тем светом. Как правило, клады — немые. Если и заговорит, то это не он, а кто-нибудь из проданных душ или нечисть загробная. По поверьям, если не осенишь тотчас себя крестом, душа твоя в потемки перейдет, и сам несчастный будет всю жизнь жить ополовиненным. Участь свою потеряет. А то увидит кто клад о двух человеческих ногах — станет столб столбом, с места не сдвинуть.

Но по земле этот клад странствует не вечно, через 10—20 лет иссякает самодвижущая сила, и, никем не востребованный, клад возвращается на место и умирает, то есть становится тем, чем был.

Зарывается ли под курганец, закладывает ли себя в подземелье глыбищами или уходит под воду, на дно. И уже никогда не вспомнит, что был в человеческом обличье. Клад исчезает, лишаясь своей чародейной силы, и если случайно наткнуться на него, то это будут просто сокровища, просто золото-серебро.

КЛАД ЗАМАННЫЙ

Клад заманный — клад обманной. Со своим секретом. Этот клад — всегда золотой или — что гораздо реже — серебряный. Цвет его переливчатый, спелый. В чем-то похож на клад — сон обморочный. Живет он либо в горных пропастях, либо в топях болотных — гиблых местах, там, где его никогда не ищут.

У моей матери в 1916 году умер первенец. Отец пришел с германской домой в самую страдную пору — уборку. Вот они заночевали с матерью в горах Тарбагатая, где была их бахча. Ночью в шалаше загоревали об умершем сыне да так счувствовались, что стало неумоготу разговаривать.

— Вот лежим мы молчком — и вдруг возле шалаша громко заплакал ребенок, ревет ревмя.

— Это нам младенца подбросили, — говорит мать.

Вышли мы с ней наружу — плач отдалился. И чем дальше шли — тем дальше и плач. Идем в потемках, ищем. Уже далеко отошли. А ребенок все плачет. Сколько времени мы шли на его голос, не помним. Опаматовались только у пропасти — это он нас туда заманивает. Поняли да как бросились бежать назад, на свет керосинки. Всю остатнюю ночь в мертвом ознобе просидели.

— Это вам ребенка приманила нечистая сила, — объяснили старые люди. — Клад заманный, от клада осталась одна начинка, а остальное

от потусветной силы. Приманка для таких, как вы. Такого клада с голосом надобно остерегаться, он тоску человеческую слышит. В тоске человек отпускает душу от себя.

Вообще, всякий, положенный под зарок, клад — заманный, на душевную смуту, морок. Даже исторические, то есть такие, как украденные у России сокровища Наполеона, или такие древние, как в Перу клад мочика. Каждый век дает своих кладоискателей.

Бывает, что такой клад положен на страшный откуп, на искушение. Знаменитый знаток преданий и историй о кладах Н. Аристов в своей книге о них рассказывает:

«Близ села Труслейки (Корсунского уезда), саженьях в тридцати, возвышается Поповая гора, на которой растет с правой стороны орешник, а с левой — мелкий сосняк. Когда поспели орехи в 1848 г., ходили женщины из села собирать их. Набрамши котомку орехов, одна женщина пошла домой и стала уже спускаться под гору, как вдруг услышала позади себя чей-то незнакомый голос: «Агафья...» Оглянувшись, она увидела, что за ней катится золотая мера или четверик. Агафья со страху не могла ступить шагу и не знала, что ей делать. Мера подбежала поближе и говорит ей: «Агафья, возьми меня себе, со мной будет тебе чем пожить на своем веку». Агафья сначала согласилась: отчего же и не взять? Но мера отдавалась не даром. «Давай сделаем уговор», — сказала она. «Какой же наш будет уговор?» — спросила Агафья. «А вот какой, — отвечала мера, — отдай ты мне своего мужа и поживай в свое удовольствие».

Агафья совершенно опешила, потому что сильно любила своего мужа. Зло ее взяло, и она с досадой крикнула: «Провались ты, проклятая, в землю, да чтоб и там тебе места не было...» Мера тотчас загремела и провалилась, так что доселе можно заметить на этом месте яму».

КЛАД МАГИЧЕСКИЙ

Вокруг этого клада, как правило, очерчивают три магических круга под страшные, неотвратимые заклятья: чтобы достать сокровища, нужно уметь расколдовывать все три круга, для каждого из которых нужны свои заклятья и молитвы. И свой ритуал. Первый круг одолевший и не сумевший пройти дальше — свое тело скинет с костей и всех людей, кого знал, близких и родных, забудет. Второй круг одолеет и дальше оплошает — жизнь свою потеряет, а третий круг — и душу свою вечную сгубит.

Но это еще не все. Такой клад нуждается в отворительном заговоре. Нужно написать «прошение» кладу на бересте и потом прибить его к дереву, лучше к березе близ того места, где этот клад находится. Эти прошения точно такие, как к лешим (еще в начале нашего века на Севере и в Сибири писались такие прошения).

Чтобы добыть такой клад, нужен цветок папоротника, разрыв-трава или трава скатерник. А еще косточка-счастливка да шапка-невидимка. А если поступишь иначе — будет худо. Н. Аристов рассказывает в своей старинной книге о кладах.

В селе Миренке Алатырского уезда около одного глубокого и дикого оврага на Яфимовой горе жили когда-то разбойники. Эти разбойники «имели отличные сады, зарыли множество денег и все это заколдовали;

сады эти показываются раз в году, и если кто взойдет в них нечаянно, тот может рвать наливные яблоки, груши, орехи и всякие плоды, есть сколько душа запросит, но домой унести нельзя: лишь только пойдет он, то глаза очернеют, и он совершенно заблудится и не найдет следа. Один крестьянин забрел на этот сад и ходил туда лакомиться раз в год; однажды пошел было домой, не взяв с собой ничего, и заплутался, ходил по саду, не выйдя, да и кончено. Только вдруг слышит чей-то голос: «Семя-то в бороде унесешь!» Он стяхнул яблочные семечки с бороды и тотчас же вышел на дорогу. Если же кто пожадничает, пробудет долго в саду, то сад может захлопнуться, и он останется там на круглый год».

В городе Зайсане, старинном сибирском городе (ныне Казахстан), я записал в 1960 году от старика рыболова Евстигнея Малахатина такой рассказ о местном кладае:

— Клады есть ходячие, есть лежащие, есть висячие. Так вот, висячие — наши, сибирские. Где есть кедр — на кедре; где дубы, как у нас, — на дубу, на самой верхушке в дупле или в разветвье. Мне показал знающий человек записи, где прописано, что нужно всходить на дуб вниз головой и так же спускаться. А тот дуб у самого озера Зайсана, и лет тому дубу — двести. Там клад — беглых колодников — зарочный, заколдованный на три круга. Я и захотел добыть то разбойничье золото. Все сделал, как надо: и разрыв-траву достал, и ночь правильную, купальную выбрал. Вот перед первым кругом сотворил заговор, сверху дуба зашелохнулось что-то, рубаха с меня сорвало вместе с кожей, ноги из сапог сами выпали, ребра отомкнулись. Страхом сердце прохолодило, а выдержал — переступил во второй круг, держа в руках икону Святой Матери, стал молиться. Поглядел на себя, а меня — нет, невидимым, стало быть, оборотился. Глянул вверх, а там луна на цепи ходит. Тут меня и вымело само собой назад из круга. А больше идти я не решился.

А как-то днем бесколдовно поднялся на дуб вверх, заглянул в приямок в развилке ствола, а там серебряные и золотые монеты друг с другом в «решетку» играют. Потянулся я за монетой, схватил, глядь, а в руке свиной котях... Стал я с тех пор словно выморочный или блаженной. Насилу отмолился и больше этим делом не занимаюсь...

К магическим кладам относится и клад приворотный. Привозят его кладовики раз в году к какой-нибудь избе, и с той поры хозяин этой избы начинает тосковать о богатстве, все ему мерещатся золото и серебро. Мечта-смута пеленает душу и разум. Этот клад не в счастье, а в муку. И чтобы избавиться от него, нужно найти у знающих людей молитвы-отговоры и то же самое зелье из разрыв-травы, что отворят все засовы и замки и рушит магические круги. А лучше всего — христианская молитва — в ней больше всего силы и крепости.

Клады приворотные и в старое время были очень редки, а ныне и вовсе их нет. Высшая магия исчерпала себя в экстрасенстве и колдунячестве, вернувшись по своему способу воздействия на людей и по уровню тайных знаний к уровню первобытных времен.

Новое язычество без своих древних богов и сил бессильно и суеверно. Магические круги обыкновенно должны делать три человека, имеющие гадательный прут, шкуру от закланной молодой козы, камень-

эмаль, два венка из железняка, два подсвечника и две свечи, благословленные чистой девою, новое огниво, полбутылки чистой водки, смешанной с каморью.

* * *

Вот одно из средневековых действий для проведения великого (в данном случае последнего) каббалистического круга: «церемония эта начинается с того, что образуется круг из козлиной шкуры, которая прикрепляется к земле четырьмя гвоздями от грибка. Затем берут кровавик, называемый эмалью, и чертят им в кругу равнобедренный треугольник, при этом чертить начинают с восточной стороны.

После этого пишут тем же самым кровавиком большое «А», маленькое «е», маленькое «а», чтобы ни один дух не мог подступить сзади».

В кругу справа ставят два подсвечника, а с левой кладут венки из железняка, ставят сосуд с углями того же дня от ивовых дров и частью водки с ладаном и камфорой, чтоб горели непрерывно, затем произносят сатанинское заклинание Адонаи.

Никто не должен иметь при себе ничего металлического, но две-три монеты, чтобы откупиться от нечистой силы.

Это замыкают круг, точно так и размыкают, постоянно держа во внимании восточную сторону мира. Выходить из него можно только задом наперед.

Магические клады — колдовские и имеют несколько ритуалов. Я привел только один из них.

КЛАДЫ ПРИХОТЛИВЫЕ

Клады прихотливые кладутся под мудреные зарюки, основанные на игре слов, на ослышке. Или клад, належавшись в земле, каким-то образом одухотворяется словом и плотью и начинает действовать самостоятельно, чудить. «Это в кладе нечистая сила играет», — было замечено грамотеями-чернокнижниками.

Вот что писал о таких кладах Н. Аристов: «В с. Погибелке (Корсунский уезд) есть прихотливый клад на дворе у крестьянина: никому он не объявлялся, только раз показывался одному мальчику лет четырех, который говорил матери, что он видит белые голанки, то есть серебряные деньги. Мать советовала ему взять их; мальчик действительно пытался взять хоть немного, но, по его словам, как только он станет ловить их, они попрыгают у него между пальцев и уйдут в землю».

* * *

А вот из записей Ончукова притча о кладе: «Один крестьянин в Пудожском уезде отправился к светлой заутрене на погост с вечера в субботу. Идти ему надо было мимо озера. Идет он берегом и видит: на другом берегу человек таскает что-то кошелем из воды в лодку. Ударил в колокол на погосте, и человек вдруг пропал. Крестьянин обошел озеро, подошел к лодке и видит, что она полна рыбьим клеском (рыбьей чешуей. — В. Ц.). «Не клад ли?» — подумал мужик, набрал клеску полные карманы и воротился домой. Дома он опорожнил карманы, захватил мешок и опять пошел на озеро к тому месту, но лодки уже не было. Тогда мужик пошел к заутрене. Воротился домой из церкви.

захотел посмотреть свою находку, а вместо рыбьего клеску — серебро. Мужик разбогател. А тот, что сидел в лодке, каждый год в Великую субботу кричит и жалуется на свою пропажу и грозит мужику...»

* * *

Чудную и странную историю я записал в русском Семирежье лет сорок назад. Рассказал мне ее охотник и бахчевик Яков Фомич Муховиков. Я с ним ходил охотиться по Тарбагатаю в юные и студенческие годы (когда приезжал на каникулы).

— Клад на выдумку тароват. А что? В нем мысль из преисподни прорастает, чтобы смутить в тебе дух, усластить жадность, вот он по-всякому и разузоривается: явится тебе, а в руки не дается. И чего он хочет — не поймешь. Пошел я раз на охоту, в сентябре это было на двенадцатое число, день моей женитьбы. Оттого и запомнил число. Иду, значит, по горам по перевозорью. Небо чистое, земля чистая. Никого. Выхожу на Календарь-гору, на самую высокую скалу над пропастью. Вижу — сидит на скале цыган не цыган в киргизском чапане. Вскинул я глаза на него: сидит человек с удочкой в руках, грузило в пропасть закинуто. «Что удит? Воздух из пропасти? — так думаю. — Понятно, сумасшедший. А если по понятию блажной, накренило мозги с голодухи не в ту, стало быть, сторону».

Укрепил собственный дух такой мыслью и спрашиваю, а «бердан» свой держу с должной чуткостью:

— Чего, мил человек, удишь? Без воды рыбка не клюет?

— Ловлю, — говорит, — каменную сеledку, курам на водку.

«Ты балагур для кур, — говорю я сам в себе, — а я сдурачу: кувыркувырь, пили личих-вирь?»

Что-то неладное. Собака моя на него не заурчала. А что, если этот удильщик не рыбак, а волхв?

— И я такой! — ему говорю. — Хожу с клюкой. Мух пас, нашел кошелек-самотряс и кнут-самопас. Видел — вошь в железе и подсолнух на протезе, черт тебя б сглазил, чтоб с камня не слазил.

А он ничего, удит воздух и вполслуха вдруг говорит:

— Ударь меня в ухо с левой — я и слечу, тебя озолочу.

Хоть навел он на меня всякие сомнения, говорю:

— Не согласен. За что я тебя должен бить? Я же тебя в первый раз вижу.

— Дурак и есть дурак, — говорит он мне. — От своего счастья отказываешься. Ну тогда давай меняться: ты — мне ружье, а я тебе — удочку.

— Нет, — говорю, — ружье у меня самострел, вышел я с ним ершей со шуками пострелять. Ишь как летают по небу.

А он протягивает мне удилище, а оно-то сплошь золотое. Ну я и отдал ему свой «бердан» без патронов, чтоб сдуру или с чуру не стрельнул по мне, а тот отдал удочку и поплыл по воздуху в пропасть и оттуда как захочет:

— Хо-хо, мухопас-самотряс, хо-хо...

Тут моя собака очнулась и зазвучала оглашенно, словно блоха бодучая на глаз ей впрыгнула.

Тут и я опамятовался: стою на скале и держу за ствол свое ружье, будто удилище, а что стою у края провала — не вижу, не чую. А мнится

в мороке, что я это иду по дороге и остановился так себе. Только собрался шагнуть вперед, как услышал петушинный крик. Тут я очнулся окончательно: одна нога на скале, а другая — зависла над бездной. От страха то ли заскрипел, то ли вскрикнул позвоночник у меня. Гляжу на то место, где только что цыган сидел, а там змея на плавниках ползает вся серебряная, выстрелил я в нее — не помню, как патрон засадил в ружье. Пес взвизгнул, осыпанный монетами. Я кинулся под гору домой. Сбежал с горы минут за десять. А на равнине ночь, солнце давно село. Что со мной? Куда это я подевался на целый день?

Пришел к себе в избу, спрашиваю:

— Какой ныне день по числу?

— Девятое число сентября, — говорят и показали на отрывной календарь.

Что же, выходит, будто я загодя на три дня заскочил?

Домашние почуяли, что со мной неладно, объяснили, что ныне, мол, утром я встал рано и куда-то отлучился часа на три.

Тут я совсем очнулся: на дворе не ночь вовсе, а день в разгаре. Думаю — может, я на том свете побывал?

А когда наступило настоящее двенадцатое, ничего вроде и не было. Вышел я на улицу, посидел на завалинке, вернулся домой, а домашние в расстройстве и панике спрашивают:

— Где же ты пропадал три дня? Ушел, никому ничего не скажемши...

Так вот меня помutilи чары кладовы. Долго не ходил я на Календарь-гору. Только другой осенью пришел и на том самом месте подобрал пять серебряных монет.

Клад чудной, клад прихотливый не любит даваться, потому что кладется под несколько зарок, под хитрые ритуалы. Вот одна такая история, приведенная в книге Д. Н. Садовникова.

«Две хлебницы рыли по наслыху, недалеко от Конной слободы на валу. Когда эти хлебницы уж вырыли кинжал и пистолет, вдруг услышали, что на горе от Иоанна Предтечи пошел сильный гул. Было это около полудня, летом». Тут увидели они тройку лихих коней, которая во весь дух под гору вылетела на московскую дорогу. В коляске сидели нарядные красивые кучер с казачком и важный барин... «Выехала тройка на дорогу, остановилась; барин слез с коляски, казачок спрыгнул с козел и пошел вдоль дороги вприсядку плясать; барин заложил руки назад, склонил голову и пошел впереди лошадей, а кучер шагом поехал за ним. Казачок так лихо, так чудно плясал, что хлебницы на него засмотрелись, да еще думали в это время и о том, как бы о себе не дать барину подозрения к тому, что они роют деньги, и чтоб он из любопытства их не спросил. Лишь тройка поравнялась с ними, они увидали, что из реки Свяги вылез страшного роста солдат, подошел к казачку, схватил его на руки и понес в омут, под водяную мельницу. Барин сел на лошадей; кучер ударил по всем трем вожжам, гаркнул на них, и с посвистом молодецким тройка полетела вдоль дороги столбовой... Это видение так напугало кладоискательниц, что они перестали рыть клад...»

После этого нашли они одного начетчика-чернокнижника, который по черной книге им прочитал, чтоб они отправились этот клад рыть на Пасху, между заутренней и обедней, и взяли с собой по яйчку, и кто бы с ними на валу ни встретился, тотчас же похристосовались.

Вот они пришли на вал, стали копать и тотчас же задели заступом за чугунную доску... «И пошел от Бератаевки гул, зык, рев такой, что земля задрожала!.. Услышали они страшный крик и видят — по валу идет к ним медведь не медведь, человек не человек... По одежде вроде солдат! Глазищи как плоски, так и прядают, как свечи; рот до ушей, нос кривой, как чекушка, ручищи — что твои грабли, рыло все на сторону скошено... Вот они встали рядом, опершись на заступы, припасли яйчки и думают: «Только подойдет этот клад, мы в ту же секунду с ним и похристосуемся». Чудовище медленно подошло да как топнет, как рывкнет: «Вот я вас, шкуры барабанные! Так тут-то вы ребята зарываете!» Бабы испугались, побросали заступы, увидев занесенные над ними престрашные кулачищи, добежали до паперти храма и тут без памяти и упали.

А что чернокнижник? Он им сказал, что они уж больше не найдут этого клада, что ушел он в землю и что узнал он об этом по гулу».

Знать, этот клад был завешан не про них. И хоть хлебницы и нашли место клада — вышли стражи, чтобы страхом и мороком отвадить их от их неурочного дела. Клад был — прихотливый, со многими запретами и условиями, но если бы женщины не испугались, клад мог бы «откупиться» от них некоторой толикой своих богатств.

КЛАД — ПО СНУ ИЛИ ВЕЩЕЙ

Вещиеклады являются людям обыкновенно во сне. Клад иногда прямо, иногда иносказательно указывает место, где он находится. И здесь нужен нередко тонкий прорицатель.

Так Хрисипп — древнегреческий философ — рассказывает, что одному его другу однажды приснилось яйцо, которое висело на занавеси его постели.

Этот необычный сон отгадал призванный другом прорицатель.

— Увиденное тобою яйцо означает, что в земле под твоею кроватью скрыто сокровище.

И действительно, когда стали копать землю, друг Хрисиппа нашел большую сумму золотых денег.

А вот еще одно из предзнаменований во сне о сокрытых сокровищах приводит писатель средневековья Гордон.

В войне галлов с британцами король галлов остановился с утомленным войском своим в выгодной позиции в поле. Сильно устав, король уснул на траве.

И приснилось ему — будто перешел по железному мосту реку и увидел на той стороне моста пещеру и вошел в нее, побужденный голосом, который кричал ему:

— Здесь скрыто сокровище!

И в самом деле, через какое-то время он нашел сундук с золотом, который по его приказу слуги тут же вынесли из пещеры.

Король, проснувшись, понял, что ему было во сне чудодейственное явление, рассказал об этом своим офицерам, те привели его к подземному

ходу на той стороне моста и действительно в глубине отверстия, пробленного в скале и прикрытого глиною, обнаружили золотой клад.

Один кустанайский мужичок, вернувшись с войны без руки, чтобы не побираться, завел небольшую пасеку, которую ставили на сырцах (пастбищах), где было много курганов. Никто не знал, откуда они и кем насыпаны.

Иван Заречный, так звали того мужичка, увидел сон, будто летят его пчелы туча тучей на один из курганов, на шиповники, а этот курган третий с краю. А одна пчела так и жужжит над ним, кружится. Он отмахнулся. А она то отлетит, то подлетит, танец пчелиный делает ему. Такой есть танец о взятке медовом. «Что такое? — думает он. — Медоносное место показывает?» И пошел за нею к третьему кургану. И нырнула под куст. Он заглянул под куст, а там маленькая щель и в ней что-то блестит.

Проснулся мужичок, не придал значения своему сну. А на другую ночь ему приснилось точь-в-точь то же самое. Он опять оставил этот сон без внимания.

На третий сон пчела опять прилетела и ужалила его в шею, вроде как и произнесла: «Ну и дурачина, ну и дурачина». Он понял, что сон не простой, а к чему-то. Пошел к третьему кургану, да сбился со счета — на всех курганах шиповник, все курганы крайние — степь-то круглая.

Тут какая-то пчела уж в яви зажужжала над ним и повела его; довела, нырнула под куст, он за ней. А там, батюшки вы мои, в щели-то — драгоценное оружие, кольца и серьги золотые. Он все собрал и унес к себе.

Да не удержался раз, похвастался пчеловодам, стало известно милиции. Приехали отбирать:

— Откуда оружие?

И все такое. Стали сыпать серьги и кольца в мешочек, а туда посыпались осколки от банок.

Хорошо, что были понятые, а то бы в гипнозе, в мошенничестве обвинили Ивана.

Осталось у него от той поры одно только кольцо, которое держал он у себя на пальце...

Человек, которому клад сам себя показывает, обыкновенно очень доверчивый и простодушный, в нем есть своя магия простоты и веры во все чудесное. Лукавым и нечестивым людям такой клад не является.

Были случаи, когдаклады являлись во сне детям, брали их за руки и вели, они сонные шли и находиликлады. Проснутся, а в руке — золотые монеты.

То ли счастливые, то ли избранные по их тайной мечте; может материализоваться мечта, известно, только искренняя. Такой клад зарыт не пропащим, не разбойным человеком, а горемыкой каким-нибудь с несчастной судьбой. Закон клада: отдается клад по хозяину, то есть такого же характера человеку.

КЛАД КАК ОТЗЫВ, КЛАД ВЫКУПНОЙ

Клад, на отзыв заговоренный, может даваться в руки. Важно подслушать или узнать заговор и сделать точно так, как заказано. М. Едемский в «Кокшенческих преданиях» приводит такое (запись сделана в начале нашего века):

«Эдак, бывало, старухе-то уж худо — смерть приходит... А старуха была денежная. Ну, семейство; сын был женатой. Знает скрягу, куда, думает, денег бы не запропастила.

А денег у ней: большой кошель к камышке (лямка через плечо, у сарафана) привязан — серебро да золото. Видит старуха, что скоро умереть надо, и говорит сыну-то своему: «Сын, подыми-ка меня да подведи еще раз к печке: вижу, скоро смерть приходит... долго у печки не страпала: посмотрю хоть еще!» Захватил сын старуху под мышки, притащил к печи. «Подержи эдак меня!» Сын держит. Отвязала она кошель от камышки, высыпала деньги на шесток и давай зарывать в пепел в печурке. «Чьи ручки загребают, те и выгребайте», — эдак и приговаривает. Ну так и загребла все деньги. «Ну, уведи меня теперь на кровать!» Легла старуха и умерла. Ну, тогда сын к печи — надо деньги взять. Рылся, рылся — один пепел, а денег нет... «Что за оказия!» А парень-то был, знать, не промах: схватил мертвую — ту старуху, притащил к печи да ее-то руками и перерывает золу. «Чьи руки загребали, — говорит, — те и выгребают». Так все деньги и выгреб».

А бывает и такое. Шли как-то в Подмосковь бабы по грибы. Одна и отстала — Елена ее звали. Заплутала в лесу, выбилась из сил, стала возле дерева, оглянулась, а рядом старичок сидит, в бороде ветер шевелится.

— Елена? — спрашивает.

— Да, Елена. А вас-то как?

— Я — Лука. А отзыв какой?

Она и засмеялась, потому что был у нее дедушка Лука, и как она своему дедушке отвечала, так и ответила старичку:

— Лука — на печи века, Лука, добрый человек, всегда на полатях лежит.

— Верно сказала на отзыв, — говорят старичок. — Вот тебе торбочка, там приз.

И исчез. Глянула она в торбу, а там золото. Ничего никому не сказала, принесла домой и стала богатство потихоньку расходовать. А сказала бы кому: раньше власти отбирали, а теперь мафия, сам знаешь...

В собрании Онучкова приводится следующий случай о кладе на выкуп:

«Один бедный мужик слышал, что в одном месте есть клад-золото; а он часто ходил и все искал, не покажется ли ему клад, но как ни ходил, а клад все не показывается. Он стал копать, нашел место и не раз копал, и однажды вдруг слышит голос: «Что ты, мужичок, трудишься и стараешься понапрасну: клад ты можешь получить, если дашь мне голову». Услышал это мужик и незнай обрадовался, незнай испугался, но, однако, пошел домой и размышляет: «Как тут быть! Какую надо голову?»

В доме, кроме жены и сына, никого не было, он и решился принести голову сына. Пришел домой и обсказал все своей старухе, и говорит: «Испеки-ка завтра, баба, мне рыбничек; а я с сыном пойду на озеро рыбу удить». Баба испекла ему рыбник из мелких рыб, мужик с сыном и отправился к тому месту, где был клад. Жалко было ему сына, да и клад-то надо достать. Пришел на место и задумал пообедать, разломал рыбник, стал сам есть и сыну дал. В рыбнике рыбки были все маленькие, он отвертывал им головы и кидал в сторону. Вдруг слышит знакомый голос: «Довольно мне, мужик, твоих голов, бери клад и иди домой». Обрадовался мужик, взял клад, в котором нашел золото, и пошел домой».

В русском Казахстане в селе Гусиная Пристань объявился старухе Поповой клад. Надо заметить, что клад любит молодич, а еще больше — детей, а старух не жалует. А тут вышла старуха на завалинку вечером посидеть, а на завалинке петух сидит да с такой большущей головой. Были у нее в кармане крошки, она пожалела золотушного (как ей показалось) петуха крошками. Тот склевал крошки и отрыгнул золотым песком ей в ладони. Не успела она разобраться, что к чему, петух на глазах истаял, в невидимость превратился.

— Вот и на старость есть жить на что, — сказала сердобольная старуха.

Купила она конфет детям, видно, знающей была, раздала их. Так клад при ней и остался. Удержала, значит.

КЛАДЫ-ОБОРОТНИ

Клады-оборотни. Это в основном забытые, перезревшие клады. В них обитает дух колдовства и внутреннего неустройства, смуты.

Это черный клад, и в человека он не может превратиться. Многие крестьяне встречали ночью свиней и, думая, что это нечистая сила, крестились. Свинья тут же исчезала. Тогда как это была не просто нечистая сила, а клад-оборотень. Через тысячу лет такой клад, если не найдет хозяина, исчезает, то есть переходит на ту черную сторону мира, к нечистой силе. Там этот клад возвращается к хозяину, и хозяин откупается им от нечеловеческих мук. Клад, приняв образ свиньи, становится бесовской казней. Много бытовало о таких кладах преданий. Садовников приводит один из случаев с таким кладом-оборотнем:

«Один богатый брат, желая раз ночью подсмеяться над своим бедным братом, башмачником, поднял на улице дохлую собаку и бросил ему в окно да сказал: «На те, проклятый! Одолел ты меня, попрошайка!» А вышло, что дохлая собака в избе бедняка рассыпалась золотом. Бедный брат проснулся от звона; слышал братнину ругань, встал и увидел груды золота, поблагодарил брата за помощь. С того времени он разбогател, а богатый брат обеднел, промотался весь».

Клад может превращаться не только в дохлую собаку, кошку или даже человека. Он из кошки, например, может превратиться в дерево, даже в ручей. Или в угли вместо золота. В общем, двойной оборотень.

Так, в одном предании рассказывается, что в некоем селе в одном доме, когда уходили родители, девочка маленькая оставалась одна. И

из подполья к ней девочка приходила, играла с ней, играла и все просила ударить ее.

Как-то дочка говорит матери:

— Мама, уходи скорей, ко мне девочка придет, и мы играть будем.

— Какая еще девочка? — спросила мать.

Ну, она ей и рассказала. Мать сразу догадалась, что это клад, и говорит дочери:

— Когда девочка придет, поиграет и попросит ударить ее, так и сделай.

— Мне ее жалко, — говорит дочь, — она маленькая.

— А ты ее потихоньку ударь. Если она рассыплется, ты не охай, а молча сложи в мешочек, который я тебе дам. А потом меня позовешь.

Когда мать с отцом ушли и девочка осталась в доме одна, к ней снова пришла ее тайная подружка и начала с ней играть. И опять стала просить девочку ударить ее. Девочка стукнула ее, и она рассыпалась. Девочка сложила все, что собрала, в мешочек, как научила мать, и пошла звать ее.

Но когда пришли, в мешке были угли, а девочка говорит, что было золото...

Здесь не был выполнен основной заказ: нужно было ударить, а не «потихонечку», и клад, может, на веки вечные пропал или превратился в самом деле в угли.

Клад-оборотень, притворившийся живым существом, — не на всякого. У кого сердце хрусткое, того и в гроб вгонит. Такой клад с нечистой силой в обнимку ходит, и вот как говорит симбирское предание: жил один дворовый человек (истопником он у господ был), нанялся в Симбирске Москвитинов сад чистить, с другими рабочими. Работали под горой, а есть наверх ходили, к амбарам, там и изба была. Вот раз он приходит; вдруг из-под амбара козленок к нему и кинулся. Он его взял да на плечо к себе и положил; гладит, держит за задние ноги и приговаривает: «Бяшка, бяшка!» А козленок-то ему в ответ и передразнивает: «Бяшка, бяшка!» Работник испугался, схватил козленка за задние ноги да об землю и ударил. Смотрит: а козленок опять под амбар. От страха работник тут же на месте упал; хворал после этого и вскоре умер. А ему, видно, клад давался...

Одно странное предание рассказывает о кладе, который на глазах ошеломленных людей превратился из гусака в свинью и снова в гусака:

— Пошли мы, значит, с подружками в лес, трое нас было девок из Кобелевки, это село такое на Белгородчине.

А утро раннее, ясное, и вокруг никого. Божий мир умывается росой. И вдруг ступили за поворот дороги, в лог — что такое? — стемнело, солнце садится на закат, тени все удлинились. А нас как запомнело, что еще утро. А сумерки так и бегут, окружили нас сумерки. И тут вышел нам навстречу гусак, перья так и светятся, и хвост поблескивает чем-то, ну как в рыбьей чешуе. Вышел и прямо на нас идет — важно, голова кверху.

Я и засмеялась.

— Гусак форсистый, как начальничек, шествует.

Только сказала такое, гусак как ударился о землю — поднялся с земли он свиной супоросной, вся в грязище, соски, как свечки — белые и на конце пламя.

— Гляжу на подруг, а подруги мои — старухи. В той же одежде, те же лица, а седые и все в морщинах. Выстудило меня изнутри страхом. И не вечер вовсе, и не утро, а день ясный. И какое-то мерцание вокруг.

Свинья-то и подходит ко мне и пяточком своим мокрым тычется мне в руку. Только пяточок этот не телесный, а серебряный. Я наотмашь и отмахнулась от свиньи. Она хрюкнула, ударилась о землю — вижу, от меня гусак убегает, а клюва-то у него нету. «Что это такое? — думаю. — Должно быть, сбланило меня».

Очнулась, подруги стоят рядом — прежние, молодые, в руках у меня серебряный рубль, и идем мы в лесу, а в руках полные корзины грибов.

— Что, девки, с нами было?

— Да ничего, — смеются. — Просто мы сквозь лес прошли.

— А свинью и гусака видели?

— Видели.

— А что сейчас, утро или вечер?

— Вечер.

— Да где мы целый день пропадали, ведь только что вышли?

— И вправду, где? — Переглянулись подруги да как схватились бежать.

И я за ними.

Одна старуха вещая объяснила:

— Оступились вы, знать. Жизнь свою перебежали туда и обратно. Это вас клад водил. Есть такие клады — из них лешие образуются...

Клад-оборотень опасен для слабого сердца. С таким сердцем умирали, видя чудесные превращения.

Оборониться от него можно только крестом и молитвой. А кто смелый — пусть поступает решительно.

Клад может явиться людям каким-нибудь старичком немощным и что-нибудь попросить у них, например, оказать услугу, то есть проверить человека на отзывчивость, доброту, в общем, на ласку сердца. И если его встретят хорошо, он сам рассыплется на золотые денежки. Но люди, как правило, не слышат своего сердца, сердце у них переместилось в голову или вовсе забыто. И такой клад, предназначенный доброй душе, клад на простой человеческий откуп, не реализуется: дар нуждается хоть в каком-то, пусть и символическом, отдарении.

В «Русской старине» за 1872 год приводится такое предание:

«Шла раз по губе, мимо наволока, лодка с народом, а по берегу навстречу ей старичок идет, на киек-то так и гнется от тяготы — очень уж старик тяжел да грузен.

— Возьмите меня в лодку, люди добрые, — просит старик.

А ему в ответ из лодки:

— Нам и так трудно справиться, а тут тебя еще, старого, взять с собой.

— Понудитесь малость, возьмите меня в лодку — большую корысть наживете! — опять взмолился старик, а рыбаки его все не берут.

Долго просил старик взять его в лодку, так и не допросился.

— Ну хоть батожок мой возьмите — очень уж он тяжел, не по мне.

— Станем мы из-за твоего батога дрянного к берегу приставать, — отвечают с лодки.

Бросил тут старик батожок свой — он и рассыпался и весь на арапчики-голландчики, а сам старик ушел в щель от грузности, а щель за ним затворилось.

Ахнули тут лодочники, да поздно за ум схватились».

КЛАД — ПРОКЛЯТЫЙ

Есть клады, которые положены либо проклятым человеком, либо сам клад при закланье проклят. Такой клад и сам мучится, и людей мучит. Под страшным зарокон лежит такой клад, злыми чарами обвиненный. И взять его нельзя никак. А кто и возьмет — себе на погибель.

Вот одно из преданий о таком кладе: «Сибирский богач Твердышев, говорят старожилы, зашил собственноручно в подушку все свои бумажки и просил своего приказчика положить эту подушку в гроб ему под голову.

После смерти Твердышева родственники умершего засадили приказчика на острог за сокрытие денег. К приказчику во сне явился Святитель Николай Чудотворец и посоветовал ему объявить родственникам Твердышева, что деньги покойным зашиты в мертвую подушку и лежат с ним в гробу. С разрешения губернатора, в присутствии начальства и кладбищенского священника, могила Твердышева была разрыта, открыта гробовая доска, но денег взять было нельзя, потому что вокруг головы мертвеца обвилась страшная змея и бросалась на всех, кто только близко подходил.

Говорят, что священник будто бы проклял Твердышева, и он провалился в бездонную пропасть».

Клады иногда кладут по назначению ли, по ошибке или с дальним умыслом в так называемые «проклятые места» от Сотворения мира. Это те места, куда были сброшены Господом Богом падшие ангелы, сатаниты. Там, где они вошли в землю, в преисподний мир, травы растут хворые, конь спотыкается сразу на четыре ноги, а ступит человек — или поувечится, или даже погибнет. Оттуда излучается черная энергия оборотней.

Клад, захороненный на таком месте, — заранее проклятый. Неосторожному кладотерпцу можно вместе с кладом и провалиться сквозь землю.

Был такой кладоискатель под Семипалатинском, грамотей по чернокнижью Овсянников Панкрат Егорович. У него были карты многих захороненных кладов почти по всей Западной Сибири.

— Есть у меня планы, — говорил он об этих чертежах. — Один колдун долго умирал, никак не мог, позвал меня, мол, возьми себе мою науку. Передаю. Я — воробей стреляный, по овсам гоняемый — отка-

зался. «Ну тогда, — говорит, — возьми мои планы. Тебе ничего не будет, даже польза, а мне хоть какое да облегченье». Планы и выписные книги я у него взял, перекрестил его, он вскрикнул — и тут же скончался.

Вот взял в руки один из таких планов Овсянников и в самую полночь пошел на то место, где обозначено. А место это было близ дороги, там поворот есть такой — каждый год аварии совершались ну прямо на ровном месте: то занесет грузовик на обочину, то — на встречную машину, то задавит кого.

Вот зажег он свечу бледную, язычок огня всколыхнулся на воске, вдруг из пустоты высунулся красный язык весь в слюне и огонь тот слизнул. Овсянников поднес спичку к свече второй раз и огнем очертил круг вокруг себя. И все, что он очертил, тут же стало проваливаться в землю. Он за куст едва успел ухватиться. А куст весь серебряный, а листья из настоящего золота: то ли рвать золото, то ли спасать себя: под ногами-то топи и хляби, черно и крики мучимых душ слышны.

Выкарабкался он кое-как, набрал серебра и золота в торбу, а тут кто-то над ухом как захохочет и спрашивает:

— Что будешь делать с кладом?

А он не отвечает, знает, что этого делать нельзя — худо случится. Только мотнул головой — а и кивать головой было нельзя, — его и снесло на дорогу, прямо на машину навстречь. Шофер тормознул, машину снесло в кювет, а самого Овсянникова отбросило.

— Что ты тут делаешь, раззява дуболобая! — закричал весь бледный от пережитого шофер. — Я тебе сейчас как садану монтировкой промеж глаз.

А он, Овсянников, значит, ему и ответь:

— Глаза тебе зашарило, кто на поворотах так ездит?

Тут кто-то как замыкает, зашебаршит — и по уху кладоведа. Он и упал. Очнулся: ни дороги, ни машины. Лежит торба его около, и из нее дерьмо дерьмучее течет.

С той поры оглох он на одно ухо, стал заговариваться, самого себя ошипывать: чертей, стало быть, снимать со своей одежды. И лечили его, и знахари отхаживали, а год прошел — и весь истаял. Ему бы нужно одежду с себя сжечь — грязь с проклятого места осталась на ней. Так и помер, а планы свои так никому и не отдал...

Проклятое место затягивает в себя человека, душу свою он на этом месте теряет. Народ остерегается чертовщины. А над бесами смеется, уверенный, что бес водится там, где темно, и что люди превращаются сами в бесов. О комиссарах, например, говорили — козлотородые, из бесовского племени. Бес сладкоречив, много обещает, много хвалит себя, а на поверку — тухлый. И клады — одно из средств искушения христианина. Клад не только под заклатьем, но и под проклятьем.

«Был такой клад, — рассказывает одно сибирское предание, — пять мешков золота, пять мешков серебра и пять мешков меди, и будто достаться он должен был по зарку тому, кого три раза мать проклянет.

И вот один пропоец и вор у добрых родителей все их справное добро пропил, пустил мать с отцом побираться.

— Чего вы меня не проклянете? — подпускал он куражу.

— Бог тебе судья! — отвечали кротко родители. — Оставляем тебе избу, а сами уходим в побирухи.

Остался он один, снисильничал над несовершеннолетней, та тронулась умом, а ее родительница прокляла его навечно. Отправили его в острог, а он и говорит:

— Проклятый — не проткнутый. Человек из мяса состоит, а душа — выдумка.

Бежали они из острога с дружкой, он его и зарезал, да не дорезал, бросил в лесу умирать. Умиравший еще раз проклял его:

— Будь проклят, рваная тушенка.

А тот ничего, живет, грабит — все ему сходит с рук.

Только вот он одну нищенку ради баловства дурацкого стал топить в реке: окунет в воду — вытащит... Та и успела перед смертью сказать:

— Будь проклят, убивец. И на Страшном суде не прощу.

Так и утонула.

А он пришел к дружкам и хвалится:

— Ну, теперь клад будет мой.

Оказывается, к кладу стремился, порожняя душа.

Вот сказал, а сам не знает, как подступиться к кладу, и где он зарыт, точно не знает. Как-то шел он пропойной ночью домой, видит — рядом бежит собака, лижет ему ногу. Он разозлился да как пнет ее ногою — ногу ему разнесло, все кости раздробило: это он по железному столбу ударил. Ну, нога стала хиреть, сухотка по ней пошла. Стал он с той поры колченогим. Но это его не присмирило, еще пуше начал охальничать, стыда лишился окончательно — срамные места людям показывает.

Опять идет ночью по горе, по холму над рекой — и чего его туда занесло? А с горы на него железная бочка катится с грохотом, с слязгом, с визгом и голосами внутри. Он и отпрыгнул. А бочка остановилась, черная вся, в дегте, открылась крышка, и оттуда длинные руки высунулись, схватили его и тащат к себе в бочку. Ему бы размахнуться да наотмашь. А он вырывается. Тащит его кто-то за волосы, за уши, за нос. Он и отмахнулся и попал по чьим-то пальцам. Пальцы звякнули, покатились монеты. А бочка тут же и пропала. Остались две золотые монеты всего. Он их пропил, зато заработал плешь и рваное ухо.

С той поры он стал бояться клада, знал, что придет по третьему проклятью.

Пошел он к старушке богомольной, своей родной тетке.

— Что мне делать, теть? Боюсь.

— Жисть тебе бы переменить надо, покаяться, на молитву стать. Всемилостивый Бог, может, в третий раз и ответит беду.

— Безверный я, тетя, — пожаловался проклятый. — Думы во мне бесноваты, свет белый не мил.

— Это Бог в наказание вынул радость из тебя. Молись.

А как ему молиться, если он души своей в себе не слышит. Молится, а сам не верит молитве. Такое в советское время часто бывает. Уже пошли колхозы. Мать с отцом вернулись. Им как бедным помогли.

Стала мать молиться за сына дома иконам. Да так молилась слезно, так душу свою рвала за сына, что не выдержала Мать Пресвятая Богородица, Заступница русская: вышла из иконы, своим платом покрыла

болящую мать, что-то ей в утешение сказала — та вся и посветлела. И опять ушла Царица Небесная в икону.

На другой день мать и благословила сына, чтобы он пошел к старцу (жил он тайно на заимке, вдали от властей).

Пошел сын к старцу, колченожит по дороге, а навстречу ему та самая нищенка, что он потопил. Пал он ей в ноги, просит прощенья, говорит:

— В твоей воле стать мне человеком.

Та и пожалела, и простила.

Пришел он к старцу, а старец прозорливый и говорит ему:

— Одну вину ты с себя снял. Надо снять и другие.

— Что мне делать, отче милостивый?

— Жить по сердцу, поступать по правде, а душу держать по справедливости. Сейчас время такое — в чернецы не уходят. Нет их. Будь сам в себе чернецом.

Он так и сделал. А когда явился к нему проклятый клад: наполнили в избу черви, и все золотые — он снял икону и стал их крестить иконой — черви извиваются, головешками стали и рассыпались золой по полу.

Это предание похоже на притчу. Народ сам в себе интуитивно изживает искушение кладами, возвращаясь к вере, он отклоняет от себя суеверья, доставшиеся ему от пращуров, ибо язычество тихо и цепко прирашивалось к православной вере простых людей, приспособлялось. Иван Купала к Рождеству Иоанна Крестителя, а клады закладывались под охрану иконы Богородицы. Годы безверия верней погубили суеверия («я — суеверный», — как-то сказал один главарь — не в счет. Он — не верующий), а вера осталась — как нетленное золото души.

ПОТЕШНЫЙ КЛАД

Крайне редки скоморошья клады, потешные, затейливые — на насмешку и потеху. Такие клады делали и при Иване Грозном, и при Петре I, и при наших императорах и императрицах. Потом, с отпадением шутовства они сошли на нет. Кладом был, например, какой-нибудь грязный чепец кухарки или носовой платок, которые прятались во дворце либо в саду кем-нибудь из шутов, а потом шумно разыскивался: при свечах, с соблюдением заговоров. Тот, кто находил такой клад, объявлялся «счастливец», «государем чертей» и подвергался шутовскому вознаграждению.

Вот один из таких заговорных кладов или антизаговоров, говоря специальным языком:

— При кладе сидит черт на окладе, получает на сдачу — блоху собачью. А сроки — сколько жить сороке, да во шве — гниде, да ведьме Степаниде.

А тот клад скоморох заповедал на трех: на сонных сов, на лихих молодцов да на корову о сорок сосцов.

Станет сова гукать, молодец молотом тукать, а корова с кола соснова, сучков промеж вылижет плешь. Возьмет молодец плешь в карман, посадит сову на аркан и пойдет клад добывать, у чертей вырывать.

На острове Буяне сидит бес на сметане, а под его хвостом черный зад — это и будет тебе клад. Бери, неси, торгуй на базаре, как свинья на пожаре. Шинь-брынь, угу-гу, тут тебе и аминь.

Магия кладов

(Выкупные книги. Чародейные травы. Заговоры)

У кладов — своя магия, магическая наука о кладях, где разработаны до мелочей средства для отыскания кладов. Вот одно из них, на котором остановил свое внимание исследователь народной магии прошлого века Павел Седир:

«Когда каша выйдет в печке из горшка, непременно нужно заметить, в какую именно сторону она направляется: там надобно искать клад. Если случайно встретится клад в виде белой коровы или птицы, нужно ударить непременно наотмачь, иначе рука отсохнет».

Нужно строго соблюдать условия, своеобразный обряд поиска. Необходимо непременно взять с собою немного петуха, привязать на шею плакун-траву и пустить на место предполагаемого клада — как только петух встанет на это место, он тут же закричит. А чтобы не пробирал страх, нужно взять с собою траву Петров крест, и спрык-траву, и свечу белого воска. При рытье клада нельзя ни в коем случае оглядываться — нахлынут черти, и если нападёт сон (а его могут напустить бесы), нельзя ему поддаваться, можно самого себя заспать насмерть.

«Достать же спрык-траву хитро: заметить нужно, где спадет колесо телеги, когда едешь по лугу, прийти на то место в полночь с ворожецом и разостлать чапан; трава эта прорастает сквозь чапан».

Как видим, чтобы найти клад, имеется множество средств, и прежде всего нужно добыть магические, чародейные травы, которые надо собирать в определенный день (чаще всего в ночь на Ивана Купалу). Наибольшей магической силой обладает папоротник, вернее — его цветок, будто бы папоротник цветет раз в году в купальскую ночь.

По магическим канонам папоротник — символ смирения — насыщен очистительными, магическими силами, изгоняет чары и всякую нечистую силу, помогает в игре на деньги. Папоротник — цветок колдунов и чаще всего помогает отыскивать и отворять клады. Не всякий папоротник — кладовик, например, папоротник мужской (щитинник большой), или, по Тумену, «скифский ягненок», растет в Средней Азии, одаряет женщин плодовитостью, а мужчин богатством и славой.

Нас же интересует папоротник черный. Он имеет власть над водой и землей и открывает клады. Для этого его надо бросить вверх, и он станет носиться над местом, где есть клад, как звезда, и прямо упадет над ним.

Известный знаток кладов, этнограф А. Шапов так пишет о магических свойствах папоротника: «Черная папороть растет в лесах около

болот... А цветет он накануне Иванова дня в полночь. Тот цвет очень надобен, если кто хочет богат и мудр быть. А брать тот цвет не просто — с надобностями и очертя кругом, говорить: «Талан Божий, суд твой, да воскреснет Бог!»

Папоротниковый цвет открывает в человеке ясновиденье, в том числе и на клады, для этого 24 июня по старому стилю нужно обыскать куст Черного Папоротника и, произнося чародейные заклинания, очертить обожженной палкой, лучше осиновой, круг и остаться в нем в северной стороне от куста да так, чтобы тень ни в коем случае не падала на него. К полуночи над папоротником сгустится астральный свет «величиною с яичный желток, его надлежит схватить быстро обеими горстями и проглотить».

Папоротник-кладовик не только в русских поверьях, но и у алхимиков средневековья — главная трава. И для отыскания кладов, и для создания золота путем одухотворения первичного вещества. Алхимики сами себе творили клады как бы из ничего, вернее, из магической смеси первоначал — высшее, законченное, произнося заклинания. Фауст — алхимик своего бессмертия.

Но не будем отвлекаться.

Для отворения кладов и устрашения нечисти применялись и другие травы — в частности, плакун-трава.

Ее собирают тоже в Иванов день, но только на утренней заре, нужно выкопать ее с корнем, не применяя ничего железного. А после «надо идти с нею в алтарь и, держа в руке в направлении востока, говорить: «Плакун, плакун! Плакал ты долго и много, а выплакал мало. Не катись твои слезы по чистому полю, не разносись твоей вой по синю морю. Будь ты страшен злым бесам, полубесам, старым ведьмам киевским. А не будут тебе покорища, утопи их в слезах; а убегут от твоего позорища, замкни в ямы преисподняя. Будь мое слово при тебе крепко и твердо во веки веков» (И. П. Сахаров. «Сказания русского народа»).

Эта трава — для изгнания ведьм, но пуше всего всякой нечисти, стерегущей клады, то есть помогает добыванию спрятанных сокровищ-кладов: она заставляет плакать их стражей, отчего и названа трава-плакун. С ней для добытчика клада открыт приступ к залятому кладу.

Такую же, а то и большую чародейную силу имеет разрыв-трава, растение редкое, разрушает и медь, и сталь, в общем, любые запоры.

А достается она так: находят гнездо черепахи, обтыкают железными гвоздями его. Тогда черепаха, чтобы проникнуть в свое гнездо, приносит во рту разрыв-траву, которую у нее тут же отнимают.

Таким образом, разрыв-трава, иначе муравец или муравей, обладает магическими свойствами, известна не менее папоротника и плакун-травы еще с халдейских времен.

В старину разбойники зарывали свои клады в землю на определенное число лет, запирали, а ключи бросали в воду.

Кладоискатели тратили целые состояния, чтобы добыть себе эти травы, которые помогли бы достать ключи.

Разрыв-трава, трава муравец растет обыкновенно на тайных и темных лугах. Если пройдет по ней коса — рассыплется, ступит лошадиное

копыто с железной подковой — подковы вырвет из копыт. А рвут ее так для кладодобычи: «Если где соха вывернулась или лошадь расковалась, то по зорям выстилай на том месте сукно, или кафтан, или епанчу, или что-нибудь, лишь бы чистое, — и она выйдет насквозь, и ты возьми шелком. Лишь поднеси, и она к шелку пристанет и прильнет. А класть ее в скляницу или в воск, и скляницу залепляй воском, а кроме ни в чем не удержишь, уйдет и пропадет».

Без этих трав молитва не крепка, не услышана будет, клад не дается.

Эти цветы и травы имеют настолько необоримую силу, что даже случайная пыльца от них открывает клады.

В Белоруссии есть народное предание о мужике, которому цвет папоротника попал в лапоть. Этот счастливек знал, где закопанные клады, где лежали деньги. Но он как-то под хмельком потерял эту папоротниковую пыльцу, с этой поры сразу же исчезло все его знание о кладках.

Нечистая сила не отдает клада, хохочет, шабашит. Но не должно пугаться — папоротник охраняет. Такая в нем магическая сила, что если положить этот цветок в рот — и станешь невидимкой. Можно, конечно, поменяться во время Христовой заутрени своей шапкой с домовым — и тоже сделаться невидимкой, но это уже кощунство.

Клады просят себе на откуп даже самую ничемную вещь — кошку, белую собачку, хромого воробья. Н. Аристов приводит такой пример. Один бурлак, высаженный с расшивы за болезнью, сел на берегу Волги на место клада, чтобы закусить сдобной лепешкой — а клад этот был положен с условием — отдаться тому, кто придет и сядет на него со сдобной лепешкой.

А один охотник бросил на незаметный холмик отрезанные у зайца две лапки (мешали или так — дурь?) да и присел, чтобы выпить из фляги глоток воды, а остальное выплеснул. А клад-то и был положен на того, кто принесет зайчиные ноги и напоит клад водой.

«Вороженцы», или — как их везде зовут — мастера кладового дела, умеющие вызывать клады, утверждают: чтобы клад дался, нужно обязательно отслужить молебен Иоанну Новгородскому, который запечатал беса в кувшине и ездил на бесе в Иерусалим. После молебна нужно отправиться к месту предполагаемого клада, захватив с собой девятичинную просфору, а если тот клад откроется, то прежде чем брать клад, нужно окурить его ладаном и окропить святой водой.

У этих мастеров есть на такие случаи так называемые «выкупные» или «вызывные книги». Книжки, в которых прописаны заклинательные молитвы из «Требника» Петра Могилы и прочие молитвы такого рода, которые нужно громко три раза прочесть на месте нахождения клада.

Некоторые заговоры на первый слух могут показаться пустыми, однако в них есть поэзия, своя распевность и образность, которые и создают магию заговора.

Вот некоторые из них.

«Пойду в чистое поле, во леса дремучие, за черные грязи через океан-море... А здесь стоит столб, а на нем сидит Спас — Пресвятая Богородица».

Когда отыскиваются сказочные цветы, произносится мольба, чтобы черт не шутил и не глумился над рабом Божиим.

В молитвах-самоделках на раскрытие клада заключена большая и охранная, и разрушительная сила.

Часто загадывался клад доброму человеку в пользу, а худому — на погибель. Или же опять с озорством: «Тому, что добро достанется, кто после моей смерти тотчас голым пропляшет».

Искателей таких кладов следует именовать — кладовызыватели. Они пользуются колдовской силой и силой молитв, записанных в «вызывных книгах», при помощи которых они «отчитывают» самый клад.

Но если клад захоронен под часовней или на нем стоит крест, или на золотой цепи висит икона Пресвятой Богородицы в золотой ризе — это требует особой благочестивости, даже если висит одна лампадка.

«Это «чистые» клады, без стражей нечистой смрадной силы, без всякой травы папороти».

Он открывается одной только силой православной молитвы. Такой клад обыкновенно завещан на богоугодное дело: строительство церквей или на содержание монастырей, а также для раздачи нищим и убогим. Даже некоторые клады разбойников, таких, как Кудеяр, Разин, положены под охрану креста и святой силы, иконы Богородицы.

Такие клады — явление сугубо русское, показывающее незамутненный дух нашего народа, святость помыслов, заботу о душе, а не о богатстве.

Берут такой клад крестом и молитвой, чаще всего он сам себя обозначает и дается в руки либо детям, либо богомольцам. Вору, вообще нечестивцу этот клад никогда не откроется. Разроет он место, где клад, падет ему завеса на глаза — будет смотреть на него и не увидит.

Есть такая уральская легенда. Был такой купец Большаков Фома, всю жизнь провел в купеческих делах, а перед смертью поставил на свои средства часовню, а под нею заложил клад — бочку золота. «Будут трудные времена у России, — сказал, — ох, какие трудные. Как они наступят, пусть мой клад дастся радетелю земли родной». Так и лежал клад девяносто лет.

В двадцатые годы городской комиссар приезжал, больно вертлявый и нервный. Приказал копать — ничего; не утерпел, сам взялся копать. Ему лицо и скорезило: ухо подтянуло к глазу, а плечо подбросило к этому уху. Прикалечило, значит... Так он своим духом рассердил клад.

А пришла война, церкви открыли, опахнуло Русь Святым Духом. Вот пошла одна богомолица-старушка на место порушенной часовни, помолилась за своих сыновей и всех русских сыновей. А тут перед ней девочка появилась:

— Благослови, бабушка.

Старушка ее и перекрестила. Видим: вместо девочки лежит золото. Сдогадила богомолицу, чей это клад и на что завещан. Так она и поступила.

Когда же клад выходит из-под земли каким-нибудь животным или человеком, его бьют (как уже описывалось выше) наотмашь, произнеся: «Аминь-аминь, рассыпся». Именно заклинательная сила этих слов

рассыпает явленный живым клад, на золото и серебро. Заклинание перерождает качество клада, возвращая ему прежнюю сущность.

И в этом им помогают черные «вызывные книги».

Как правило, все эти люди — кладоискатели — неудачники. Счастливых среди них нет, как и среди кладовызывателей, кроме оговоренных в нашем рассказе ранее.

С. Максимов приводит одно любопытное преданье, как напоследок пензенскому дьякону во всякое время являлся неведомый мужик со всклокоченными волосами и бородой, в синей изорванной рубахе и таких же портках. Мужик, явно всполошенный неведомой силой: «Появится — убежит в сарай и пропадет, и все на одном и том же месте». Смекнул дьякон, в чем дело, и стал рыть в том месте землю. Вырыл яму в сажень глубиной и наткнулся на пивной котел, прикрытый сковородкой. Хотел было его вытаскивать, да вдруг услышал чей-то грубый голос:

— А что ты тут, добрый человек, делаешь?

— Тебе-то какого черта нужно? — ответил дьякон.

И тотчас услышал, как в руках его дрыгнул котел и затем медленно и тяжело начал погружаться в землю. Догадайся дьякон позвать того человека на помощь — и стал бы богачом...

У других неудачников случается и по-иному. Роят двое, сговорившись поделить поровну, да стоит одному подумать про себя, как бы нарушить уговор, — тотчас же полуоткрытый клад загремит и провалится.

Многим даже удавалось принести домой открытое сокровище, давших на радостях зарок какую-то часть клада (половину чаще всего) пожертвовать церкви и бедным. Но вот приходят они домой, раскладывают сокровища: золотое сияние, искристый блеск драгоценных камней! — залюбуются, закормят, забудут о зароке, раздумают делиться — и тогда у них вместо всего этого останутся лишь «черепки разбитого горшка либо стекольные верешки от бутылок».

Но тот, кто вооружен «черной наукой», рассчитывает, конечно, на несомненный успех.

«Вызывные книги» заключали в себе переиначенные и самосочиненные молитвы и тайные сказания. Это такие книги, как «Немая строка», «Шестокрыл», «Аристотелевы врата», «Остромий», «Звездочетьи».

Сам чернокнижник, по народному представлению, — чародей, закланник нечистого духа, кудесник, ведун, волхв. «Заклячая с духом условие на жизнь и душу, — пишет И. П. Сахаров, — они получают от них (чертей. — В. Ц.) черную книгу, исписанную заговорами, чарами, обаяниями. Всякий чернокнижник, умирая, обязан передать эту книгу или родственникам, или друзьям».

Те же, которые забыли передать эту книгу или не смогли, остаются возле этой книги, их не принимают в загробную жизнь, и они приходят в полночь к своим родичам в белых, нетленных саванах и предлагают им взять себе черную книгу. Ведут они себя во всем как живые люди, разговаривают охотно и очень прожорливы — они шарят повсюду, находят съестное и съедают подчистую. А озлобясь за отказ взять кни-

гу, режут домашний скот, душат кур, ломают двери вплоть до пения петухов. «Залел кочет — нечистую скорчит», — сказано в народе и по этому случаю.

Одно избавление от таких «гостей» — выкопать чернокнижника из могилы. А потом, подрезав пятки, кладут его опять в гроб вниз лицом и закрывают снова могилу. Под заговоры знающего человека, грамотея по волшебству, вбивают в нее между плечами мертвеца осиновый кол (осина — иудино дерево).

Получивший черную книгу от чародея, сам обращается в чернокнижника, даже не читая и не дотрагиваясь до этой книги. Ему достаточно только взглянуть на нее — и все разом увидит и прочтет, все само собой запечатлится в раскиде ума или передастся голосом во сне. Человек вроде как запечатывается в этой книге, душа растекается по словам и чернеет. Тут и являются бесы, требуя себе поручений.

Еще в 1954 году я записал такую историю, случившуюся в селе Покровка на Иссык-Куле. Был такой старый человек, что и не помнил, когда родился на свет, из первопоселенцев — Никита Никитович Струньков. Знал досконально грамоту по чернокнижью. Списки кладов продавал. Захотел умереть, а умереть не может: никто его книг не берет, боятся. А тут мальчонка случился Игорек. Старик ему и сказал:

— Возьми книги.

А тот, глупый, смеется над опаской людей, мол, отсталые, суеверные, и говорит:

— А чего, давай.

Только взял он эти книги в руки, вбежала в комнату черная собака да как прыгнет старику на грудь — он ойкнул и тут же умер. Собака спрыгнула и потащила в зубах тряпку, всю изъеденную молью, стало быть, колдуньячью душу.

Через месяц отлучился мальчик в горы утром, только отлучился — ночь настала, пало солнце за горы само по себе без кругосветного движения.

Голоса из воздуха, из его нутра как заторможились: «Улю-лю-лю, ква-ква, хрум-хрум». Спрашивают:

— Какую работу снадобилось?

Тот не понимает, думает, что это он во сне живет, что разум-то у него дневной, ясный, и говорит:

— Перетащите меня за гору.

Глядь — стоит за горой, в Китае; люди с косичками в соломенных шляпах дивуются на него, а он на них. И солнце над ним в том месте, как утром.

— Назад перенесите, домой.

Только сказал, его и перенесли домой прямо за стол. Сидит мальчонка за столом — весь трясется.

— Что с тобой, Игорек?

— Не знаю. Сны какие-то вижу, как наяву.

Стал он сохнуть на глазах, а черти продолжают к нему приходить. Он ничего не говорит им. Они мысли его читают и все делают так, как он подумал.

Так бы и погиб, да был у него родной дядя, фронтовик, бывалый человек. Узнал он все от мальчонки: нашел, значит, подход, — и посоветовал:

— Станут просить работы, ты им и скажи: «Да заверните себя в кулек». А сделают — побросай их в печку и перекрести.

Он так и сделал. С тех пор их и отвадило, а может, еще потому, что черную книгу у него украли — кто-то позарился на древность.

Но не всегда такие истории кончаются благополучно. Не нашедшие «достойной» работы черти обыкновенно задушивают до смерти неумельца и негодца, потому что только колдуны знают, чем занять чертей: «Они посылают их вить веревки из воды и песку, перегонять тучи из одной земли в другую, срывать горы, засыпать моря и дразнить слонов, поддерживающих землю» (И. Сахаров). Но чаще всего — отсылать разыскивать самые древние и немыслимые клады, разгадывать тайные и прихотливые кладовые зарок.

Черная книга — по заветам народных преданий — будто бы хранилась когда-то под горючим камнем Алатырем и что будто бы эту книгу когда-то заклали в стены Сухаревской башни под страшное проклятье на десять тысяч лет. Под Сухаревской башней оказались еще более древние, еще со времен Ивана Грозного, несметные клады. Чтобы добыть клад, нужно прежде всего снять зарок, с которым он положен.

Зароки эти прихотливы, есть в них и озорство фантазии, и мрачная устрашительность, так что приступать к кладу нужно, неукоснительно следуя зароку, иначе можно умереть, провалиться сквозь землю, сделаться котом: клад мстит, когда его неумело и неуместно тревожат.

Кроме трав отворных, есть отворная земля — с могилы утопленника или самоубийцы. В нее вставляют осиновую лучину (именно осиновую!), зажигают — и огонь сам ведет к кладу.

Вот другой зарок: «На большой дороге, между почтовой и казенной просекой, зарыт клад: чтобы найти его, надо спеть 12 песен, но таких, чтобы ни в одной не было сказано ни про друга, ни про недруга, ни про милого, ни про немилое».

Каждый делал зарок на свой талдык. Одни определяли: выщипать вокруг клада на три сажени все травинки зубами; другие — чтобы получить клад, спрятанный под сосной, нужно вскарабкаться на нее вверх ногами, а спуститься вниз головой.

Разбойники, считая, что клад дается дураку, загадывали на голодные зубы и только разбойника, чтобы загубил «сто человеческих голов», прежде чем открывать клад. Есть преданье, что один счастливцев подслушал чародейный зарок. И когда колдун произносил «человечьих», счастливцев поправлял: «или воробьиных», а когда «сто голов» — шептал: «осиновых колов».

Кладоискатели и кладозаклинатели

Кладокопатель — древнейшая профессия. Этот первый разбойник и святотатец появился вместе с первыми древнейшими египетскими пирамидами. Уже тогда он пользовался не только киркой и заступом, но и многочисленными молитвами и отговорными заговорами, ему нужно было отвести от себя духов, охраняющих мертвых фараонов, и уговорить, и умилостивить высшего бога — бога-судью Озириса, того самого, что взвешивал на своих подземных весах людские сердца.

Магия заговоров помогала и кладоискателям древней Халдеи — родине магии и колдовства.

На Руси кладоискатели известны еще со времен Дария и Трояна. А позже были и особые волхвы — угадыватели кладов, владеющие заговором и отговором, травой папертью, чарами слов и письмен. Клад, по их разумению, уже не только то, что схоронено и закопано, а то, что за вещью на имя ли, на число или на счастливый случай. Они владели не только искусством подступа, но и откупа. Нужно не только найти и откопать клад, но и удержать его при себе.

После Крещения Руси языческое заклинание и православная молитва перемешиваются заклинателями и объявляются «белой магией», по сути, не менее бесовской, чем «черная». Но нас на всем пространстве работы интересует больше всего поэтическое и в самом искательстве, и в магических заклинаниях.

Нужно уметь перехитрить клад, формально исполнить зарок, как об этом рассказывается в одном сибирском предании:

«Старик один в подполье клад зарыл, а сноха и видела. Вот он зарывает и говорит:

— Чьи руки заруют, те руки и отроют.

На другой день старик и помер. Сноха стащила его мертвого в подпол и давай его руками клад отрывать да приговаривать:

— Чьими руками зароется, теми и отроется!

Ей клад и дался».

Сходное предание приводит М. Едемский в «Русской старине» за 1908 год (см. «Клад как отзыв, клад выкупной»). Клад тоже дался в руку догадливому.

Такой клад дается по случаю, по догаду, потому что он не «зашифрованный», не при страже, а так, обыденный, часто скопидомский клад. Он без магии — он «держится» только на зарок.

Как-то закапывал один вздорный, скупой старик клад свой на огороде и бормотал:

— Чем достаться кому-нибудь, лучше собаке достанется!

Новорожденный дух клада принял в свою память эту заповедь.

Вот старик умер, думая, что досадил своим родным.

Младший его внучок слышал, как закапывал дед деньги и ругался: «...лучше собаке достаньтесь». Вот он позвал с собой Полкана в огород и приказал:

— Ищи, Полкан.

Собака и стала искать, в одном месте под яблоней выгребла большую яму и из той ямы достала торбу с золотыми деньгами.

Клад, согласно старинному наказу, достался собаке, вернулся семье.

Бывают и такие, что на них наводят умная ли птица, догадливый пес или благодарный медведь.

В войну с немцами в Белоруссии к одному партизану пришел к землянке медведь и со стоном протянул лапу. Парень вынул из лапы большую занозу и перевязал лапу. Медведь благодарно лизнул ему руку и ушел. Другим днем зверь пришел к партизану опять, подошел к двери и отошел. Парень думает: «Что такое?» — и вышел, медведь, не торопясь, двинулся в сторону болота. Отошел, подождал, а сам кивает головой в сторону болота — зовет, значит. «Куда это он меня манит?» — подумал парень, однако двинулся следом.

Медведь подвел его к сосне, разгреб яму и отошел, смотрит. Парень подошел к яме и увидел в ней ящик свинцовый. Он открыл ящик, а там — драгоценности и золото.

Медведь, убедившись, что парень нашел, что ему нужно, и ушел. Это он отблагодарил человека за помощь, а клад он, конечно же, подсмотрел: какой-то грабитель, а в войну их было немало, схоронил клад...

Клад, на который указывают животные и птицы, обыкновенно открывается и так, без зарок. Видно, «откупное» уже уплачено добротой человека, «доброта доброту робит, доброе в доброе ложится» — так заметил еще давным-давно наш народ.

Магия чар уступает магии доброты. Об этом говорит легенда, записанная у казаков уральским этнографом И. Железновым.

«Ходил казак по роще и выбирал вербовое дерево на бударку. Выбрал дерево и стал рубить его под корень. А на дереве том было гнездо вороново с детенышками. Слушай, какая притча-то вышла. Только лишь принялся казак за работу, ворон и подлетел к казаку и так жалобно закаркал, индо казак остановился, перестал это дерево рубить. Смотрит на ворона, а тот так и вьется около него, словно ласточка: то к ногам казака бросится, то сядет близ него на веточку и замочает головой, словно кланяется, а сам стонет. Казак жалостлив был, догадался, в чем дело, оставил дерево и пошел к другому — дерево было тоже хороше — и стал его рубить.

Ворон успокоился и сел на гнездо. Через малое время прилетел другой ворон, пара, значит, первому, прилетел с кормом для детей. Второй ворон был гораздо больше первого, значит, самец, да такой

сизый, делесовый, почти седой, значит, старый-престарый ворон. Перекликнулись ворон с вороном, покаркали промеж себя, значит, перемолвились по-своему.

Вдруг самец спустился с дерева и прямо под ноги к казаку; остановился, посмотрел на казака и закивал в одну сторону головой, и пошагал от казака, туда пошагал, куда головой кивал. Шагает ворон, а сам беспрестанно оборачивается к казаку и дает головой знак, чтобы казак шел за ним. Но казак смотрит только на ворона и улыбается, думает: хитрит ворон, от гнезда отводит. Три раза ворочался ворон, три раза манил казака за собой. Напоследок вплоть подошел к казаку, схватил носом за шаровары и дергает, и тащит, словно ученая собака. Тут уж казак догадался. «Что-нибудь да не так», — думает казак и пошел за вороном. И привел ворон казака к одному старому вязу и остановился под ним и давай долдыкать носом в землю, под самым корнем. Казак, не будь дурень, тот же миг давай топором разрывать землю, где ворон носом колотил, и скоро, братец мой, докопался до дубовой шкатулки, железом окованной. Казак хватъ по ней обухом — она и рассыпалась: трухлява была — в земле, значит, долго лежала. И очутилась перед казаком порядочная кучка целковиков, старинных, царя Петра Первого Алексеевича!

В старые годы — во время какого-нибудь замешательства, примерно, в пугачевское бунтарство иль-бо в другое какое, — кто-нибудь из наших же обывателей зарыл эти целковники для сбережения, а после и сам погиб в замешательстве: рублики его и остались в земле. Ворон — они ведь долго живут, по несколько сот лет, — ворон, значит, видел, как хозяин закапывал шкатулку, и указал ее счастливому казаку замест благодарности, что тот уважил, гнездо его не разорил».

И все же на клады чаще всего натываются случайно. Это клад — на «повезло», потому что за видимой случайностью угадывается некая закономерность: клад достается нищему или же обделенному родственнику. И еще: эти клады — кладенцы и не заторенные стражей.

Такое впечатление, что они наводят на себя, притягивают как бы случайно. Здесь могут быть такие объяснения: либо клады действительно не «хотят» доставаться своему хозяину (как правило, скряге), либо они вовсе не клады, а так, захоронения, либо еще не дозрели до магического состояния. Таковы почти все клады нашего века, сделанные второпях, впопых, без должных уставов, и не доживают до своих сроков, тогда как в самом времени, «в сроке» создается по мере продолжительности своя особая магическая энергия. Время как таковое создаст магию, переходит в чары.

В клады как бы вкладывается часть души хозяина, овеществленная корысть и скряжество, теневая ее сторона.

Царевна Екатерина Алексеевна была страстной и одержимой кладоискательницей, что странно сочеталось у нее с истовой верой.

История сохранила факты и документы, говорящие о том, что она вела переговоры с костромским священником, который знал «по пла-

нетным тетрадам» о кладах. И посланные по ее приказу люди рыли полночью могилы на кладбище и искали безуспешно и долго клады.

По ее неистовой приверженности к кладоискательству были отправлены подводы из Москвы за 200 с лишним верст с тем, чтобы добыть клад, зарытый на дворе одного крестьянина.

Когда Петр I узнал об этом, он был взбешен, и, по словам историка С. М. Соловьева, люди, указывающие царевне на места зарытых кладов, по розыску Петра оказались обманщиками.

«Страсть к легкой наживе, — пишет С. Максимов, — повсюду расплодила множество кладоискателей, которые до такой степени увлекаются идеей быстрого обогащения, что зачастую кончают однопредметным помешательством. Эти несчастные маньяки вызывают бесконечные насмешки и сплошь и рядом делаются жертвами обмана. За дорогую цену им продаются особые «записи кладов», к их услугам находятся руководители, заведомо приводящие на пустое место, заранее прославленное и искусно обставленное всеми признаками таинственного урочища и т. д.».

Вот запись-завещание одного сибирского кладоискателя.

«А как Бог велит, — поучает он своих детей, — отчитываем Разину поклажу, только перво-наперво сто рублей, как помру, отошлите дедушке в Божью церковь, ко Владимирской Божией Матери. А мать чтобы не знала: все в питейный угодит. А золото, куда положу — шепну опосля, смотрите только, как бы обменяли, чай, все крестовики (серебряный рубль петровских времен с крестом из четырех П. — В. Ц.). А если уж менять, то из-под виду, а для казны места немного. А святую икону, что на поклаже лежит, освятить доведется».

В народе таких кладоискателей почитали за чудаков и относились к ним снисходительно.

Так, на Псковщине из поколения в поколение кладоискатели ищут в курганцах заповедную саблю Александра Невского. Как она объявится — так с Руси сметет всю обманную власть иноверцев. На Иртыше — шелом Ермака, именно шелом, а не казачью папаху. Будто светится он в невзгодье Руси из воды. Кто найдет его и наденет на себя — поведет непобедимое войско.

На воронежской земле был знаменит в прошлом веке «убежденный чудаки, исходивший весь тот край вдоль и поперек, разыскивая клады Кудеяра, между которыми один состоял из 60 парных воловьих подвод серебра, 10 пудов золота и целого лотка драгоценных камней. Около этого помешанного образовалась целая толпа плутоватых подсобников из мешан и отставных солдат, являющихся с предложениями заговоров и записей таинственных талисманов, завернутых в грязные тряпицы, вроде комка глины, добытой в полночь с могилы давленника, помогающей, как известно, добыче кладов».

Таковы они, чудаки, неудачники, чернокнижники и поэты — кладоискатели и кладокопатели.

Содержание

От редактора	3	Загаданный на число	35
История кладов	5	Про клад просроченный	37
Клады Александра Македонского и Дария, завещанные русскому царю	9	Клад про заклад	37
Клад Приама	12	Клад на имя	39
Клад Нерона	12	Клад названный	40
Клады Лукоморья	13	Клады на счастливого	42
Клады, явившиеся во сне	13	Клады порченые	45
Безымянные клады Кудеяра	14	Клады заблудшие, бродячие	49
Утопленный клад Мамая	16	Клад заманный	51
Заветный клад Булавина	16	Клад магический	52
Клады князя Игоря	17	Клады прихотливые	54
Клады от шведов и Карла XII	18	Клад — по сну или вещей	57
Маринкин клад	18	Клад как отзыв, клад выкупной	59
Неисчислимые разинские клады	21	Клады-оборотни	60
Завещание Стеньки Разина	26	Клад — проклятый	63
Затемненные клады Пугачева	28	Потешный клад	66
Предания о кладах	31	Магия кладов	67
Клад — сон обморочный	32	(Выкупные книги, Чародейные травы, Заговоры)	68
		Кладонскатели кладозаклинатели	75

Владимир Дмитриевич Цыбин

ЗАГОВОРЕННЫЕ КЛАДЫ И КЛАДОИСКАТЕЛИ

ЛР № 062945 от 20.08.93.

Редактор *В. Н. Чубатый*. Оформление художника *Л. Е. Безрученкова*.
Технический редактор *Г. О. Нефедова*. Корректор *М. Е. Козлова*.

Подписано в печать с оригинал-макета 30.09.94. Формат 60x90 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 5,0.
Уч.-изд. л. 6,34. Тираж 50 000 экз. Заказ № 532. Цена договорная.

ТОО Книжное издательство «Мир дому твоему».
140011, г. Люберцы Московской области, ул. Шоссейная, д. 11, к. 76.

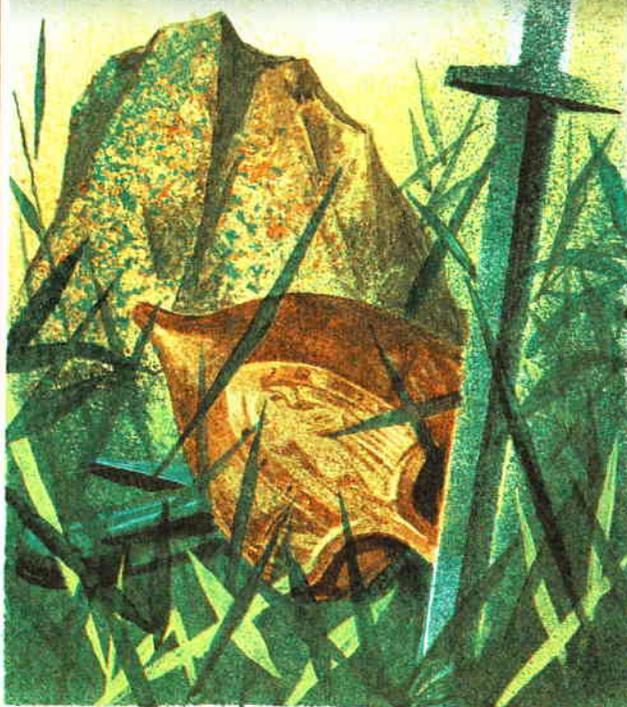
Московская типография № 6
Комитета Российской Федерации по печати,
109088, Москва, Ж-88, Южнопортовая ул., 24.

4.80

ЗАГОВОРЕННЫЕ
КЛАДЫ
И КЛАДО-
ИСКАТЕЛИ

«МИР ДОМУ ТВОЕМУ»